

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

МОЙ ДИКИЙ МЭН

18+

ЛИЯ СЕДАЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Лия Седая

Мой дикий мэн

<https://litres.ru/74479813>

SelfPub; 2026

Аннотация

При знакомстве она обозвала меня аферистом. Потом – старым хрычом.

Дальше я оказался извращенцем и манипулятором. А все почему? Потому что я умею делать деньги, пусть даже в этот раз на деле всей ее жизни.

Но ради этой фурии я готов сделать исключение: пусть согласится на мое предложение, а я посмотрю, готов ли я уступить в ответ. В конце концов, бесить училку до ужаса весело, даже если тебе уже под пятьдесят.

Лишь бы не жениться потом случайно

Содержание

Глава 1. Михаил Михайлович	4
Глава 2. Михаил Михайлович	11
Глава 3. Заноза Викторовна	17
Глава 4. Заноза Викторовна	23
Глава 5. Михаил Михайлович	32
Глава 6. Михаил Михайлович	39
Глава 7. Заноза Викторовна	48
Глава 8. Заноза Викторовна	54
Глава 9. Михаил Михайлович	61
Глава 10. Михаил Михайлович	68
Глава 11. Заноза Викторовна	75
Глава 12. Михаил Михайлович	81
Глава 13. Заноза Викторовна	88
Глава 14. Михаил Михайлович	96
Глава 15. Заноза Викторовна	101
Глава 16. Заноза Викторовна	107
Глава 17. Михаил Михайлович	114
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Лия Седая

Мой дикий мэн

Глава 1. Михаил Михайлович

– И вот та-ак... Сюда веди, видишь? Чуть выше! И медленно нажимай...

Тонкие женские пальцы лежали на мужской руке. Направляли ее, подталкивали. Учили, как сделать все правильно. Так, чтобы ей понравилось.

Подкрашенные помадой губы раскрылись немного, она почти не дышала уже, напряглась всем телом. Она учила...

Рисовать. Просто рисовать! А у меня башке совсем другое представлялось от ее слов и придыхания.

Не сраные их кисточки, блядь, а вообще совсем другое!

– Ну, вот! Видишь, шикарный мазок получился! Теперь легла как нужно! – преподавательница художественной школы, в которую я сегодня приехал, наконец, выдохнула. – Молодец! Давай дальше сам.

– Евгения Викторовна, – директор этой школы аккуратно постучал в створку приоткрытой двери и распахнул ее шире. – Можно вас?

Я посмотрел на него. А чего он так стелется-то, я не понял?

Угожливо так... Он же директор, а она простая училка. Я не понимал, какого хера он вообще меня к ней притащил. Зачем? Все уже решено, бабки уже ему уплачены. Что за соп-ли?

– Продолжай, Александр, – преподавательница даже не оглянулась, когда ее позвали. Коснулась плеча ученика, ко-торому лет уже двадцать было, наверное, ладонью.

Той же самой, которой показывала ему, как писать карти-ну.

Интересно, она со всеми так... тесно контактирует?

Я окинул взглядом фигурку. А ничего, в общем-то. Вы-сокая, статная, прическа аккуратная. Одета только излишне строго, но понять можно – училка же. Взгляд только...

Я напрягся невольно.

Не женщина, а ехидна, отвечаю. Теперь понятно, чего этот Эдик-директор в мятом костюме так себя перед ней ведет. Я пошире расправил плечи. Ну, ничего. Не таких ломали. И уламывали тоже...

Проверим еще, какие у нее ладошки на ощупь. Даже ин-тересно стало.

– А, извините, – у директора художественной школы за-звонил телефон, и он отскочил в сторону на несколько ша-гов.

– Здравствуйте, – идеально прямая Евгения Викторовна выплыла в коридор.

Темные глаза вспыхнули, но она даже виду не подала, что

меня узнала. И это тоже взбесило почему-то.

– Вы, я смотрю, учите своих учеников с полной отдачей? – я скривил губы в ухмылке. – Своими руками их поддерживаете. Это всем так повезло или этому юноше только?

Я глянул через ее плечо, «выюнош» с блондинистыми кудрями по-прежнему потел на картиной. Ну, прям ангел, да и только! На таких как раз ангелочков возрастные тетki западают только так.

Эта тоже не исключение что ли?

– А вы, я смотрю, – она полностью отзеркалила мои слова. – Так и не научились быть вежливым?

А-а, вспомнила...

Я улыбнулся уже шире. Знакомы мы, знакомы, Евгения Викторовна. Виделись уже, мимолетно, но виделись.

– Хотя, – она показательно внимательно оглядела меня с головы до ног. – Говорят, с возрастом когнитивные функции снижаются. Уже и не научитесь, наверное.

Ах, сучка!

Во мне забурлила язвительная радость. Обожаю таких коз! Вся из себя правильная, вся интеллигентная, но укусить за филей никогда возможности не упустит. Р-р-р...

– Евгения Викторовна! – директор запихивал телефон в карман. – Свершилось, представляете?

– Что свершилось? – железная леди-язва даже не шелохнулась, даже голоса не повысила в ответ. Как с дитем с ним разговаривала.

– Это вот Михаил Михайлович Медведев, бизнесмен из Москвы, – Эдик-дирик, как я его окрестил про себя, почти схватился за меня двумя руками.

– Я в курсе.

– Да? – тот озадачился. – Ну, ладно. В общем, Михаил Михайлович предложил мне... То есть, нам крупную сумму денег! Теперь у нас будут средства на ремонт школы. Вы же так этого хотели, Евгения Викторовна! Теперь у нас будут новые светлые и большие классы!

Если бы эта злюка обрадовалась сразу же, я бы себя за бороду укусил, честное слово. Но нет, она меня не разочаровала. Осталась верной своей сучности и мозгам.

– Со светлыми это замечательно. Но как из наших маленьких классов сделать большие? – Евгения Викторовна нахмурила аккуратные бровки на высоком чистом лбу. – Вы что, собираетесь ломать стены? Нельзя, это здание памятник архитектуры.

– Нет, – Эдик-дирик цвел. – Вы не поняли, Евгения Викторовна. Мы просто продаем это здание Михаилу Михайловичу. Уже продали фактически. А сами переезжаем в другое. Расторгаем наш договор, понимаете?

– В какое другое? – вот теперь ее проняло.

Строгая преподавательница на секунду буквально потеряла свое хладнокровие. Хлопнула ресницами, раскрыла четко очерченные губки. Хм-м... Давно я таких не целовал. Даже уже и не помню, какие они на ощупь. На вкус... У девиц, с

какими я в последнее время проводил время, свисток был обычно подкачан косметологами.

Это примерно как подушку целовать. Резиновую надувную игрушку.

– На Благовещенской! – торжественно объявил директор. А мне захотелось взоржать.

Этот придурок вообще ее не читает. Он так радуется, а не понимает, что сейчас она ему все радовалки оторвет по самое не балуйся.

– Это же окраина! – Евгения-ехидна Викторовна хлестнула по нему голосом как плетью. – Это промзона! Как дети будут туда добираться, вы подумали? Туда ни один автобус не идет!

– Евгения Викторовна, – как придурок хихикнул директор. – Ну, это уже не наши проблемы, правда ведь? Это проблемы родителей детей.

– Нет, это наши проблемы – делать образование доступным! – взвилась моя язва. Развернулась ко мне фурией, зашипела, чуть ядом с зубов не закапала. – Что вы творите, вы понимаете?

– М-м-м, – я чуть приподнял брови. – Зарабатываю на перекупе земли и зданий?

– Зарабатываете на детях!

– Евгения Викторовна, – Эдик предыдущий урок не усвоил и попытался влезть под горячую руку снова.

– Помолчите, Эдуард Сергеевич!

Вау-у...

Директор осел, а я прям умилился. Да это же не женщина, это генерал в юбке. Такое мне нравится!

– Но Михаил Михайлович уже перевел нам деньги!

– Значит, придется поработать и налоговой! – она сузила сверкающие гневом глазищи, а мне захотелось поправить в брюках член.

На такую не встать не могло.

Да я уже лет десять таких отмороженных, которые бы осмелились мне перечить, не встречал! Это же фантастический экземпляр! Уникум.

– Жень, – я ухмыльнулся. – Давайте поедem и обсудим наши разногласия в более интим...

– У меня с вами нет разногласий! – отрезала она, не дослушав даже. – У нашей школы есть договор аренды на это здание, заключенный с мэрией на десять лет. Без возможности расторжения в одностороннем порядке! И я непременно там уточню, по какому праву вы пытаетесь его нарушить!

Ух ты, птичка боевая какая.

Уже и налоговой попыталась запугать, и даже мэрией. Вот только одного не учла.

– Уточните, – я не улыбаться на ее вопли не мог. Ну, забава же? – Можно сразу у самого мэра спросить. Он как раз мой сын.

– Я в курсе, – она раздула крылья точеного носика от злости. – А жена мэра – моя лучшая ученица, которая как раз

и закончила эту самую школу! Так что мы еще посмотрим, кто кого!

Мне захотелось заурчать от удовольствия.

Ты объявила мне войну, Евгения Викторовна? Мне? А вывезешь?

Глава 2. Михаил Михайлович

– И что ты будешь делать теперь?

Я расслабился и запрокинул голову. Посмотрел в ночное московское небо.

– Помнишь, Серега, когда-то отсюда были видны звезды?

Старый, еще из моей бурной молодости, друг удивленно задрал брови. Даже голову наклонил вперед, пытаясь осмыслить мои слова.

– Мих, ты... Нормально все?

– Да, – я улыбнулся мечтательно, как идиот. – Все вообще зашибись.

– Мы вроде и выпили немного, – он поднял свой стакан с коньяком и покачал остатки на дне.

– Да просто, – я покрутил головой, снова садясь в обычное положение.

Мы сидели на террасе моего дома.

Того дома, который я построил когда-то для своей семьи. Но сейчас от нее уже, считай, ничего и не осталось. Жена погибла, пока пацаны еще были маленькими. Сами они тоже во мне уже не нуждаются.

Старший вполне успешно рулит моим бывшим бизнесом, ждет ребенка со своей женой. Младший тоже – целый мэр, бляха! И тоже уже беременные. Не без пинков, конечно, они этого достигли, ну так в этом и была моя отцовская задача.

А мне-то что теперь делать?

Бабок хоть жопой жуй. Первым порывом было продолжить, вспомнить молодость, отжать пару домишек в центре Можайска, где я тусил в последнее время. Землю под ними. Как раз на нормальный пенсион хватило бы, а потом задарил бы внукам.

В наследство...

– Что просто? – Серега смотрел на меня внимательно, но я видел, что он не совсем меня понимает.

– Думаю, что дальше делать, – я развел руками.

– Хм...

Он тоже задумался.

Мы с ним одноклассники, но у него уже третья жена, пятеро детей и на подходе шестой. Его такие мысли явно не посещали, он продолжал пахать, чтобы обеспечить все свое потомство.

А я, блядь, выходит, теперь бездельный?

Пиздодельный весь, но бездельный...

Я зло цыкнул сквозь зубы. Надо срочно что-то придумать, срочно! Дома уже не казались такими интересными, рутина. Ничего интересного. А мне нужно занятие, которое меня отвлечет от всего, даст новый смысл жизни. Иначе я постарею нахрен! Мне оно надо?

– Женись, Миха, – флегматично посоветовал мне друг.

– Чо? – я даже поперхнулся коньяком.

Потянулся к столику, перед которым мы сидели, забросил

в рот пластик лимона. Рассосал ароматную кислоту, прижал его языком к небу, чтобы прижгло не хуже алкоголя.

– Женись. Будет чем заняться, – Серега прищурился хитро. – Только молоденькую бери, лет двадцать-двадцать пять.

– Нахрена мне мокрощелка? – я сначала представил свою потенциальную жену, которая будет младше моей старшей невестки и ровесницей младшей, потом глаза своих сыновей...

Ну, бля...

Я, конечно, чувак эксцентричный порой, но мне, реально, такая нахрена? Что с ней кроме как трахаться можно будет делать? Потрахаться я могу и со специально обученными девочками. Они и сосут хорошо, и мозг не выносят.

– Ну, найди тогда старушку! Будете с ней вместе болячки свои обсуждать. Зато она не предъявит ничего, если у тебя хер не встанет как-нибудь поутру.

– Ты охуел? – я тоже набыл голову.

Вот чего-чего, а таких проблем у меня нет!

Вот тут Бог миловал, стояком по утрам еще можно орехи колоть. Но ведь в чем-то он прав! Если найти себе женщину адекватную, разумную, с общими интересами, языкостую, чтоб не скучно было. Я чуть завис.

А это мысль...

Такую, как Евгения-ехидна Викторвна из художественной школы, например...

– Серега, у тебя на завтра бригада есть? – я даже к краю

своего кресла подвинулся. Впился в друга взглядом.

Он уже давно и надежно занимался строительством и ремонтом локальных объектов по Москве и области. Он же мне и этот дом когда-то строил. У кого просить, если не у него?

– Тебе зачем? – бизнесмен в нем включался с полупинка.

– Куда?

– В Можайск.

– Куда?!

– В Можайск, – я ухмыльнулся.

Здание мое.

Как бы эта фурия не визжала, я могу делать с ним, что хочу. Даже вывести его из реестра архитектурных памятников, если понадобится, сумею. Есть у меня через кого и деньги на это тоже есть. Да и налоговой меня не испугаешь, через комплекс, который управляет мой старшенький, все прекрасно «отмоется».

Я как тот еж, который ждет свою голую задницу бесстрашно.

– Короче, мне нужна бригада, кирпичи, бетономешалка, – я начал загибать пальцы. – Доска, шлакоблок, вот это все. И бригадир толковый чтоб был.

– Миха, точно все нормально?

– Да-а-а, – я почти заржал от удовольствия.

Представил, как сначала побелеет моя Заноза Викторовна, потом позеленеет от злости, потом начнет меня грызть своими зубками сорокалетними или сколько ей там?

Это вам не малолетка тупая, которая только про цацки думает, это женщина- огонь!

А зажигать я тоже умею как сам Боженька.

Я вспомнил ее губы, когда она на меня сегодня днем рычала. Интересно, она когда сексом занимается – тоже рычит? Или, может, только стонет? Или вообще молчит?! Член в брюках дернулся нервно, толчками к паху начала приливать кровь.

Чего предполагать, нужно просто проверить.

Теория теорией, но я как-то привык все на практике проверять, так оно надежнее.

– Так что, сделаешь?

– За ваши бабки, все, что угодно, – он забросил в рот остатки коньяка. – Ладно, поеду я. Завтра позвони мне пораньше, обсудим.

– Завтра мне надо, чтобы люди были на объекте.

– Будут, – он пожал плечами и встал. – Давай, брат.

Провожать его я не стал. Друг, он тут все знает. А до дома его водитель довезет, это уже давно отработанный процесс после наших вот таких посиделок.

Я же открыл мессенджер на телефоне.

Звонить не буду, поздно. Но к утру мне нужна информация. Телефоны, все, какие есть. Адрес, дети, вообще все, что может быть. Я задумался, прокрутил аппарат между пальцев двумя оборотами.

Кольца у нее не было, точно.

Да и кто такую вытерпит? Я хохотнул и не стал указывать в сообщении семейное положение. Похер мне на него. Даже если она каким-то чудом замужем, меня это интересует мало. Мне уже захотелось...

Я нажал на кнопку отправки сообщения и бросил телефон на стол.

Взял снова свой стакан, приподнял его немного:

– За твою последнюю спокойную ночь, Заноза Викторовна. Видимо, судьба у тебя такая – на себе мои возможности испытать. Когнитивные, блядь...

Глава 3. Заноза Викторовна

– Ну, какая же прелесть!

Я посмотрела в небо, выставила руку из-под козырька подъезда. Растерла теплые капли летнего дождя по ладони. Чудное чудо! Всегда любила дождь.

И суббота!

И уроков у меня сегодня нет, но в школу мне все равно сбегать нужно на недолго. А потом – на рынок. С утра так захотелось сырников, а творога хорошего у меня не оказалось. Пришлось обойтись чашкой чая и все на этом.

Зонтик раскрылся над головой с легким хлопком.

Чудесно, правда! Настроение было отличным. Я перепрыгивала через лужицы, смотрела как в них дробятся солнечные лучи. Слепой дождь. Кажется, так называла моя бабушка это явление: тучек нет, солнце светит, а дождик есть.

Свежий воздух в грудь не вмещался.

Я прошла через калитку во двор школы, провела ладонью по головкам цветов у крыльца. Мокрые лепестки приятно пощекотали кожу. А за спиной уже нарастал непонятный гул.

– Что такое? – я закрутила головой, оглядываясь.

С противоположной стороны улицы к воротам усадьбы, в которой находилась наша школа, подъехал огромный грузовик.

Красный, здоровенный, оглушительно гудящий сильным

мотором.

Водитель нажал на клаксон и с ближайших тополей взметнулись испуганные вездесущие городские сороки.

– А что это такое? – я смотрела как из сторожки, мимо которой я сейчас прошла, выскочил охранник и стал раскрывать ворота усадьбы настежь.

– Здравствуйте, Евгения Викторовна, – на крыльцо вышел второй охранник, тот, что сидел на входе.

– Здравствуйте. А что у нас происходит? Что это такое? Грузовик, еще громче зарывав, начал проезжать во двор школы.

– А это ремонт будет, – охранник достал пачку сигарет и закурил.

– Какой ремонт?

– Новый собственник решил ремонт сделать. Эдуард Сергеевич с утра позвонил, сказал, будут подвозить стройматериалы. Велел не препятствовать. Вот и это, – он махнул рукой, которой держал дымящую сигарету. – Подвозят.

Ой, фу...

Я тоже взмахнула, но только лишь для того, чтобы табачный дым от своего лица отогнать. Новый собственник, значит? И почему я совсем не удивлена, я кажется, уже знаю, что этот новый собственник.

Нет, ну каков нахал!

За первым грузовиком к воротам подъехал второй.

Я поднялась на пару ступенек и ахнула. А там и третий

едет! Да этот Медведев времени зря не теряет, как я погляжу. Что ж... Я поправила воротничок платья, потом поясок. И я не буду тогда. Я ведь тоже вчера не шутила.

Суббота. Мэрия сегодня не работает, это верно.

Но я знаю, где живет мэр. И в его доме меня всегда принимают в радость. Пойду напрямую! Интересно очень, что Яромир на это все скажет. Почему-то мне кажется, что он даже не в курсе делишек своего папаша.

На грузовики я уже внимания не обращала.

Вылетела из двора школы через калитки пулей.

– Ой, мамочки! – прямо рядом со мной резко затормозил огромный блестящий внедорожник.

– Евгения Викторовна! Какая встреча!

Я держалась за левую сторону груди и пыталась отдышаться.

Он что, совсем не смотрит, куда едет? Или таким, как Медведев правила дорожного движения можно не соблюдать совсем?

– Вы еще скажите, что она неожиданная, – огрызнулась я.

– Ну, нормальные люди, у которых есть личная жизнь, по субботам обычно отдыхают, – он обошел машину и приблизился со своей противной ехидной ухмылкой на лице.

– Оно и видно, что у вас ее нет! Вы же пенсионер теперь, я правильно понимаю?

Сердце от испуга уже переставало бешено колотиться и меня снова начала топить злость на этого самодовольного че-

ловека.

– Это вы меня щас так старым хрычом обозвали? – у него вопросительно задралась правая бровь.

– Не думала, что вы способны признавать собственные недостатки. Спасибо за искренность, – я пожала плечами.

Нет, ну а что?

Ему можно над людьми издеваться и унижать, а мне нет?

– Вы не могли бы убрать с дороги свой... Танк?

– Зачем?

– Здесь тротуар, – зашипела я. – Здесь люди ходят!

Медведев Михаил Михайлович нарочито показательно оглянулся по сторонам. Вокруг, как назло, не было ни души.

Суббота же, он прав. Утро.

– Какие люди, Евгения Викторовна?

– Я, например! – зашипела я от души.

– А вы себя настолько уважаете, что на «вы» обращаетесь? – хмыкнул он. – Мы, царь... Да?

– Царица, – пояснила я с милой улыбкой кобры. – Что это все значит, Михаил Михайлович?

– Где?

– Вот это! – я ткнула пальцем в грузовики, уже стоящие во дворе школы.

– Это строительные материалы.

Да ладно?

А я-то, дурочка глупая, сама и не догадалась даже! Его снисходительный тон ужасно раздражал, но я еще держалась.

– Я вижу, что это, Михаил Михайлович. Я спрашиваю, зачем они здесь?

– Евгения Викторовна, – он опять чуть покровительственно улыбнулся. – Мне кажется, вы вчера меня чуть-чуть не поняли. Не уловили суть.

Боже, какой тонкий намек!

У меня даже под ложечкой засосало от бешенства. Так изощренно меня тупой еще никто не называл. Да меня вообще никогда и никто так не называл!

– Предлагаю съездить куда-нибудь позавтракать и все обсудить.

– Хорошо, – я улыбнулась.

Иди, иди, медведь.

Сам ко мне в руки идешь, на закланье топаешь добровольно. Шкурку твою я может, и не попорчу, возможностей маловато. Но вот нервы – могу. И уже от этой возможности ни за что не откажусь.

– Серьезно? – он по-настоящему изумился. – Вы согласны? И даже визгов не будет, что ли?

– Конечно, – я вздернула подбородок повыше. Пусть не думает тут о себе много. – Только место выбираю я!

– Отлично! – Медведь Михайлович развернулся к своему танку, распахнул передо мной пассажирскую дверь. – И куда поедем?

– К вашему сыну и к моей ученице. Очень хочется узнать мнение нашего мэра, почему как только он получил долж-

ность, его отец стал скупать здания и землю в центре Можайска. Даже не знаю, понравится ли ему такое или нет...

Я к машине подошла, но сесть на сиденье не успела. Напрягся ее хозяин очень, я это почувствовала. Застыли широкие плечи без движения, замерли как у огромного зверя, который почуял угрозу. И я немного оробела тоже.

Неужели перегнула?

Может, не нужно было уж настолько его за усы дергать?

– Такая большая девочка, – рука Михаила Михайловича опустилась на край двери, запирая меня как бы внутри. Перед ним полностью, сбежать уже некуда было. – И такая трусишка?

– Я? – я нервно убрала прядь волос за ухо. – С чего вы взяли?

Он придвинулся почти вплотную.

Надавил на меня всей своей сущностью, мужской силой будоражащей. Ухмыльнулся нагло:

– Ну, а разве нет? Тет-а-тет со мной остаться боишься, да? Или ты по ученикам своим молоденьким только?

Глава 4. Заноза Викторевна

Тестостерон.

Очень много, критически много тестостерона! От Медведа Михаила Михайловича им просто разило, несло за версту! А когда он прижал меня собой к машине, он даже аромат его парфюма перебил.

Залепил мне ноздри, вонзился в мозг острой иглой возбуждения.

Божечки, да что это за первобытщина какая-то! Я же взрослая женщина, Женя, возьми себя в руки, в конце концов!

– Вы в курсе, Михаил Михайлович, что всех людей по себе равнять не стоит? Если вы предпочитаете молоденьких нимфеток, то все остальные не должны желать того же, – я изо всех сил пыталась сохранить свое достоинство, на которое он нещадно давил.

– А вот мы сейчас и проверим, – мрачно пообещал он в ответ.

– Что значит провери... А-а-а!

Я завизжала как резаная.

Взмахнула нелепо руками, пнула его случайно туфлей по ноге, потому что и ногами замахала тоже. Но вырваться не удалось. Медведь Михайлович держал меня за талию будто в тисках зажимал.

Поднял над тротуаром, впихнул в машину, усадил на сиденье.

– Вы что делаете?! – я попыталась отбить его руки, но ему все равно было. – Отпустите! Я буду кричать! А-а-а!

– Завтрак, Женя, – внушительно выдали мне, а сразу за этими словами щелкнула застежка ремня безопасности. – Вначале еда, потом разговор.

– Да не о чем мне с вами...

Вот нахал!

Медведев захлопнул дверь, даже не дослушав, что я ему говорила. Я что, пустое место? Это что за замашки такие? Я торопливо попыталась нащупать шпенок, чтобы отстегнуться от сиденья, но потом сообразила.

А я не буду убегать.

Если я это сделаю, то он же потом меня заклюет, что я действительно трусиха. А чего мне бояться? Судя по тому, какой от фронт работ развернул в школе, нам еще повидаться придется не раз. Значит, нужно идти другим путем, вот и все.

Я спокойно поправила подол платья на коленях, сложила ручки.

В конце концов, пожаловаться его сыну мне ничего не помешает. Уверена, что он меня поддержит во всем, Яромир очень хороший молодой человек, правильный. Как только вырос такой у такого папаши...

– Задумала что-то, да? – Медведь Михайлович сел за руль,

завел двигатель и подозрительно посмотрел на меня. – От тебя аж несет пакостями.

– От меня, как вы выразились, несет только цветочной туалетной водой, – скривилась я. Сидеть с ним так близко было неловко. – И еще раз повторю – по себе людей не меряйте.

– Да какое по себе, – он оглядел меня всю. – Ты ж мелкая, тебя подо мной и видно-то не будет.

Я открыла рот, чтобы отбрызнуть его откровенную похабщину, но подумала, что лучше не стоит. Опускаться до таких шуточек я не буду.

Пусть сам с собой развлекается, неандерталец неотесанный.

– И весу, как в ягненке, – Михаил Михайлович непроизвольно отнял ладони от автомобильного руля, сжал ладони, вспоминая ощущение моего тела в них. – Это ты специально фигуру блюдешь или просто зарплата маленькая?

– Вы лучше за собой блюдите, а не за мной, – фыркнула я. Тоже мне, блюдун нашелся.

Со своей зарплатой я как-нибудь сама разберусь. Большая уже девочка, он верно все сказал, я уже привыкла к этому.

– Я как-то больше привык с женщинами блюдовать, – похабненько улыбнулся мой противный до мозга костей оппонент. – Ты любишь завтракать на свежем воздухе?

– Я люблю завтракать у мэра.

– К сыну щас нельзя, – посылая машину вперед по улице,

он коротко пожал плечом. — Сегодня суббота, а он и так работает много, пусть проведет время со своей женой. В конце концов, она моего внука вынашивает.

Я моментально прикусила язык.

Гадство какое. Как я об этом не подумала? Мне ведь Алиса, моя ученица и жена Яромира, сына Михаила Михайловича, говорила, что беременна! А я забыла! В своем стремлении, в жажде наказать зарвавшегося старшего Медведя, забыла об этом.

Конечно, куда теперь я?

Не поеду я к ним в субботу утром. Даже если он меня сам туда силой повезет, я не поеду. Настолько бесцеремонной я быть не умею. Так, немножечко над ним самим поиздеваюсь и все.

Огромный танк рычал и упрямо нес нас на выезд из города.

Медведев молчал, я тоже. Но в душу уже закрадывалось тихое опасение. Мягонькой лапкой тревожности трогало мои нервные окончания. Куда он нас везет, не в Москву же, надеюсь?

Когда мимо мелькнула табличка «Можайск», и я уже приготовилась задавать вопросы, Медведев начал притормаживать. Повернул руль вправо, посылая машину на небольшую, но хорошо асфальтированную дорогу.

«Загородный комплекс «Медведь»

Огромная вывеска проплыла перед глазами, заставила

удивиться. И я даже моргнула пару раз, чтобы привести себя в чувство. Это что, это у него тут свой загородный комплекс имеется? Когда он успел? Или все же не его? Я прожила в Можайске всю жизнь, но о подобном месте не слышала даже.

– Михаил Михайлович, куда мы едем? – с меня можно было писать картину «Хладнокровие» во всей красе.

– А что, боишься все-таки?

– Вот еще! – я поджала губы. – Просто думаю о том, что вас за пропитанием посылать точно не стоит. Пока вы еду добудете, вполне можно будет и от голода умереть.

– Язва, – с удовольствием цокнул языком Медведев. – Не бойсь, приехали уже.

А я и не боюсь.

Почти.

Небольшая березовая рощица, по которой мы ехали, расступилась и показала нам добротный двухэтажный бревенчатый особнячок, с высокими башнями в центре и по бокам. Хм, красиво... Монументально, я бы даже сказала. А-ля русский терем из сказки. Только вместо коновязи у крыльца – расчерченная свежей белой краской парковка.

– Пойдем, Женя, – Медведев остановился прямо у крыльца, заглушил мотор и вышел первым.

Ага, пойдем...

Я достала свой телефон, написала пару сообщений, снова убрала его в сумку. Вот теперь можно и идти. Теперь я спокойна. И даже довольна, потому что чем сильнее была спо-

койна я – тем сильнее напрягался Медведев. Кажется, у нас с ним спокойствие обратно пропорциональная эмоция.

Если он становится довольным – жутко начинаю нервничать я.

– Что будешь? – он раскрыл меню, которое нам подали. – Тут очень вкусно кормят.

– Как вы вообще это место нашли? – я все еще оглядывалась вокруг.

Внутри терема тоже было красиво.

Тот, кто строил его – стремился сохранить стиль исконно русских домов. Только дерево, немного металла, натуральная кожа в отделке и даже на обложках папок меню.

От дома веяло теплом.

– Кто ищет, тот всегда найдет, – Медведев пожал плечами. – Так что будешь?

– А что можно? – я глянула на улыбчивого молодого человека в фирменном переднике-униформе с вышитой на груди головой медведя.

Симпатичный. И сразу видно, что вышколенный. Хозяин заведения явно не только обстановке уделяет внимание, но и персоналу.

– Все можно, – вдруг сердито буркнул сидящий напротив меня косолапый невежа.

Ах, он!

Я еще мягче улыбнулась молодому человеку.

– Можно мне сок?

– Какой желаете? – он даже чуть склонился ко мне. – У нас есть яблочный, апельсиновый, виноградный, грейпфрутовый, томатный. Также можем сделать фреш, если вы любите.

– Не любит! – рявкнул Медведев. – Тебя что, не учили, что к гостям приставать нельзя?

Я сузила глаза.

А что это за реакция такая загадочная, уважаемый Медведев Михайлович? Это вы все про молодых людей мне так пытаетесь намекнуть? Или беситесь, что сами уже конкуренцию не тянете?

Я понимала, что он о-очень тянет.

Я это почувствовала на себе возле школы. Он еще ого-го, это было заметно. Но у самого Михаила Михайловича, видимо, комплексы среднего возраста тоже уже имелись. А это же такой прекрасный повод!

Это же просто находка!

– Правда, не люблю, – я изобразила смущенную улыбку. Господи, да мне не художницей надо было становиться, а актрисой! – Но мой друг, – я кивнула на Медведева, – заверил меня, что в вашем заведении могут подать все и он за это поручился. Это правда?

– Эм-м, – официант чуть подзавис.

Он явно о такой шикарной рекламе их комплекса не знал.

И как теперь реагировать, тоже не понимал. А вот Медведев на мою удочку поймался.

– Правда, Женя. Что ты хочешь?

– Сок, – я улыбнулась снова. – Березовый.

– Кхм, – официант завис еще сильнее.

На молодом высоком лбу без морщин отразилась усиленная работа мысли. А вот возрастной лоб, принадлежащий Медведеву, даже не дрогнул:

– Сделай, значит, березовый.

– Простите, но у нас в наличии не...

– Я сказал, сделай. И кофе с завтраком принеси, – папка меню хлопнула обложкой, а его величество Косолыпач откинулся на спинку кресла.

– Кхм. Для вас – сделаю, – кивнул официант, сгребая меню со стола.

Я едва удержалась, чтобы не соорудить рожицу.

Медведь Михайлович смотрел на меня как будто бы спокойно, но я видела на донышке его зрачков самодовольство. Значит, думаешь, утер ты мне нос, да? Думаешь, переиграл и продемонстрировал, какой ты крутой мэн?

Ну, это пока только...

– Почему ты не попросила ничего кроме сока?

– Думаю, что не успею тут поесть, – я пожала плечами.

– Это почему это? У нас времени вагон.

– Просто я жду.

– Чего? – он не понимал меня и от этого напрягался еще сильнее.

А вот это правильно.

Это иногда полезно. Сейчас будем спесь сбивать, я этому за годы преподавания научилась делать отлично. Мужчины же до старости дети, принцип действий тот же.

– Полицию жду. Вы же меня похитили у школы. Я написала охране, чтобы они вызвали полицию сюда. Вы поедете в отделение, я вернусь в школу, какая уж тут еда?

Глава 5. Михаил Михайлович

Виу-виу-виу-виу-вик!

Я немного отклонился и посмотрел в окно. Обычная белая легковушка патрульного экипажа к крылечку комплекса подъехала довольно лениво. Я бы даже сказал – не спешили правоохранители спасти Занозу мою Викторовну особо, без усердия свои охранные функции исполняли.

Заткнули свой матюгальник, погасили фары.

Поправляя пояс с кобурой, с пассажирского сиденья полез первый толстопузенький довольно ментенок. А противная моя напротив расцвела ехидной улыбочкой.

– Женя, – я спокойно поправил на себе пиджак. – Ты вообще берегов не наблюдаешь, да?

– Хм. Я думала, вы все же поинтеллигентнее как-то, – она задумчиво скосила губы набок, вытянула их как уточка. – Что за лексикон?

Эх... Не женщина.

Мечта!

Я поднялся со стула, протянул ей руку.

– Какой есть. Вставай.

– Куда? – она даже спрятала свои ладошки под стол. – Зачем? За мной же сейчас придут!

– А кто сказал, что я тебя им отдам?

Выдернуть ее со стула, такую легкую, было нетрудно.

Ухватить за ручонку – еще проще. А дальше – дело техники, вернее физических сил. Ни одну еще женщину не видел, чтобы она смогла воспротивиться здоровому мужику, когда тот ее тащит за собой.

– Михаил Михайлович, – Заноза скакала за мной как козочка. – Отпустите меня немедленно! Вас арестуют!

Ага.

Щас, бля. Я по молодости насиделся в обезьянниках, было дело. Больше не тянет что-то. Аура там нездоровая, а у меня уже возраст, как ни крути. Вдруг заболею?

– Боитесь, да? Сбегаете?

– Репутацию твою спасаю, дикая. Хочешь, чтобы сплетни пошли по Можайску? Как училка с олигархами беями днями гуляет по отелям?

– Да куда вы меня тащите? – я быстрым шагом дошел до нужного мне коридорчика, нырнул в него, увлекая ее за собой.

– В номера, Женя! В номера!

– А-а-а, – потрясенно-ехидно выдала она. – Так тут еще и номера есть для утех, а вы в них завсегдатай?

– А как же! Как поймаю какую строптивую, – я вышел в заднюю часть здания, где у меня был свой, личный номер. – Так сразу ее сюда притаскиваю и наказываю за языкастость! Шагай!

Она как за мной бежала, так по инерции в дверь и пробежала.

Остановилась посреди просторной комнаты, которая исполняла роль гостиной, вцепилась в свое запястье, которое я вполне возможно сжал чересчур сильно. Ну так, нечего было сопротивляться! Ментов на меня еще ни одна баба не травливала, это ж надо было додуматься!

– Ну, что, Заноза Викторовна? – я закрыл за нами дверь, щелкнул замком специально погромче. – Поговорим? В интимной обстановке.

– Михаил Михайлович, а что вы делаете? – она изо всех сил пыталась придать себе невозмутимый вид. – Там полиция приехала, они же вас...

– Нихрена они мне не сделают, – я ухмыльнулся.

Стащил с плеч пиджак, бросил его на крючок вешалки в виде обычного деревянного сучка. Шагая к ней, начал расстегивать манжеты на рукавах рубашки.

Да-а, моя противная...

Вот он и появился, испуг твой. Блеснул в глазах, как бы ты пыталась его скрыть. Вот и хорошо, вот и замечательно. Что бы там не болтали всякие просветленные современные умы, люди, которые пережили девяностые, знают, что уважение, основанное на страхе – самое крепкое.

– Михаил Михайлович, я буду кричать! – Женя попятилась от меня, нервно оглядывая все вокруг.

– И?

– Зачем вы усугубляете ситуацию? – она обежала вокруг ближайшего кресла и схватилась за его спинку обеими рука-

ми. – Вас же точно посадят! Похищение, да еще и изнасилование! Это же двойная статья!

– Изнасилование?

Мне захотелось заржать во весь голос. Что я, в общем-то, и сделал. Развел даже руки в стороны, потому что воздуха мне понадобилось для хохота мно-ого.

– Что я смешного сказала?

– Какое изнасилование, Жень? – я поглядел на нее. Глупышка маленькая. Взрослая уже очень, а все равно маленькая, как оказалось. Совсем мужиков не знает. – В моем возрасте и положении женщин насиловать уже незачем. Они так все дают.

– Это потому что вы уже не в состоянии? Из-за тахикардии или одышка начинается?

Я ухмыльнулся.

Давай, давай. Оттачивай зубки, мне не жалко. Мне уже даже нравятся почти твои намеки на мой старохрычизм.

Я всего лишь прошел мимо нее, а Женя шарахнулась в сторону.

Какая пугливая, а? Я закатал рукава, чтобы не мешались. Может, мне стиль одежды поменять? Хватит уже, наверное, в костюмах гонять. Можно что-то и попроще, я же уже не бизнесмен по факту, на собрания директоров вместо меня старший сын ходит.

– Нет. Не люблю просто, когда партнерша верещит как пожарная сирена. Слух у меня очень чуткий, – я достал из

бара бутылку минералки и налил ее в высокий стакан. – Пить хочешь?

– Нет!

– Как хочешь, – я пожал плечами и отпил несколько глотков.

– И что, мы теперь будем тут сидеть, пока полиция не придет?

Заноза поняла, что бросаться я на нее пока что не планирую и немного успокоилась. Даже платье на себе поправила, передернула плечиками, выпрямилась.

– Она и не придет. Персонал сейчас дружно отчитывается, что тебя даже в глаза не видел, а машина моя стоит тут уже дня три, не меньше.

– Это ваш отель, да? – Заноза подозрительно сузила глаза.

– Одного моего хорошего друга.

Я закрутил крышку на бутылке одной рукой, отошел от бара.

Заноза опасливо отступила снова, не позволяя, чтобы расстояние между нами было меньше чем пара метров. Держала свою сумочку так, как будто собиралась меня ею огреть, если я вздумаю подойти ближе.

– Значит, для вас тут полная безнаказанность, да?

– Женя, – я со вздохом сел в другое кресло. Ох, что-то только утро, а я уже задолбался. Что, реально старость? – Давай ты включишь мозг, а?

Она поджала губы.

Не сочла мои слова намеком на глупость или просто в кои-то веки сдержалась? Ничего себе, прогресс! А всего-то припугнуть надо было.

– Допустим, ты верещишь. Зовешь на помощь, вот это все. Сюда вламывается наряд. Что он увидит? – я кивнул сам себе. – Именно. Владельца номера, то бишь меня, спокойненько сидящего с минеральной водичкой, и тебя, расхристанную и орущую дурниной об изнасиловании, которого не было. Ты вот про статьи тут говорила, знаешь такую – сто двадцать восьмая точка один?

– Нет, – губы Занозы еще крепче сжались.

– Хорошая статья, я по ней не раз своих оппонентов прокатывал. Называется «Клевета». Так вот в ней говорится о таких вещах, как распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого человека. А еще про репутацию отдельно сказано, представляешь?

– Боюсь представить, какая у вас репутация, – Женя скриivilась даже.

Поняла уже, что проиграла снова.

Да по другому бы и быть не могло. Я не против побросаться с ней словами и помериться остроумием, даже готов поблажки делать, если нас не слышит никто. Это забавно. Но угодиком махровым никогда не был, это не по мне.

Есть определенные рамки, через которые ни одна женщина переходить не имеет права.

– Хорошая репутация, – я дотянулся до журнального сто-

лика и поставил на него уже пустой стакан. – Адвокаты ее отмывают регулярно.

– Вы наглый, невыносимый и самоуверенный хам!

Ох, е!

Вот это экспрессия. Я бы поаплодировал, но лень. Да и есть охота, позавтракать-то нормально она же мне не дала, упрямая вредина.

– Стараюсь, – я улыбнулся.

– Я сейчас выйду отсюда, – она воинственно забросила сумочку на плечо и вздернула горделиво подбородок. – Доеду обратно до школы, посмотрю, что вы там устроили, а потом напишу за нас заявление!

– Статья триста шесть: заведомо ложный донос, – я опять улыбнулся.

Такая она миленькая, когда злится.

Так прикольно нос морщит. Как эта... Чихуа-хуа или как ее там... Но, наверное, пора уже этот цирк заканчивать. Жрать охота.

– Все! – она окончательно психанула. – Я ухожу!

Я поднял бровь, глядя как Заноза решительно топает к двери. Наклонил голову даже, когда она к ручке потянулась. Что, реально? Пешком до города попрет?

– Ай! – в дверь громко постучали и Женя испуганно от нее отскочила.

Обернулась на меня и почему-то шепотом уточнила:

– Это кто? Полиция?

Глава 6. Михаил Михайлович

Дольше я ржать уже не мог.

Ох, бля... Мог просто хватать ртом воздух, а потом с хрипом его выдыхать обратно. Чудная! И чудная! Вначале на-творить дел, а потом пиццать и пытаться спрятаться куда-ни-будь, потому что страшно стало. Чисто женская темка, охе-рительно просто.

– Чего вы смеетесь? – Заноза Викторовна шипела и маха-ла руками. – Вы что, думаете я из-за вас переживаю, что ли?

– Я? – я сжал рукой собственные скулы, чтобы переждать судорогу от ржача. – Нет, конечно. От вас разве дождешься такой благодетели?

– Михаил Михайлович, сделайте что-нибудь! Я же боюсь, вы видите! Вы сами про мою репутацию говорили. Что люди скажут, меня в Можайске полгорода знает!

Я задрал бровь.

Серьезно? Теперь мы решили перейти к женским же ма-нипуляциям? Так у меня черный пояс по ним, не подейству-ет. Иммуниет у меня на них.

– Пожалуйста, – Заноза Викторовна почти подпрыгнула.

Ну, раз пожала-алуйста...

Я поднялся. Ладно, но только из-за того, что эта коза мне сегодня столько эмоций доставила. Что она сходу на меня заявит, я даже предположить не мог. Чего угодно ждал, даже

расцарапанной морды, но вот никак не ментов.

Но их как раз за дверью быть и не могло, я в этом был уверен на все сто.

А значит...

– Сделаю, – остановился рядом с ней. – Но вы мне будете должны.

– Что?!

– Одно желание, – я поднял вверх указательный палец. – На мое усмотрение.

– И оно, конечно, окажется какой-нибудь пошлятиной!

– Да что вы, – я осмотрел ее с головы до ног, – как можно?

Нет, ну, вообще-то... Можно.

Но вот кто еще из нас более испорчен, надо будет поглядеть. Я, например, об этом даже и не подумал, пока она идею не подала. Я думал совсем о другом.

– Тогда какое у вас желание? – немного нервно поинтересовалась Заноза.

– Согласие на один безумный поступок. Любой, какой я предложу.

– С крыши прыгать не буду! – сразу же отказалась она. – И с парашютом тоже.

В дверь снова постучали и уже немного требовательнее.

– Михаил Михайлович!

– Соглашайтесь, – я сложил руки на груди. – И я открою дверь. Спасу вашу репутацию, так уж и быть.

– Ладно!

– Сделка заключена, – я поймал ее ладошку и сжал пальцы. Погладил мимоходом кисть руки. Мягкая какая, почти шелковая.

А за дверью, как я и ожидал, стоял официант.

Тот же самый, и он явно не ждал, что встречать мы его будем вдвоем.

– Ваш завтрак, Михаил Михайлович и ваш березовый сок, – он посмотрел на мою Занозу.

– О, нормас! – еде я обрадовался очень.

– А где полиция?!

Заноза моя Викторовна была возмущена до глубины души.

– Сотрудники уехали, можете не беспокоиться, – доложил официант. – Мы им сказали, что вас никогда не видели, а машина Михаила Михайловича тут стоит с выходных.

Я только пальцами прищелкнул.

Говорил же, процесс отработанный. Тут не дебилы работают, чтобы привилегированных гостей сдавать.

– Вы знали об этом! – сколько у нее сил на возмущение тратится, а? Бесконечный запас какой-то. – Знали и специально выманили из меня желание!

А то...

Я чуть пожал плечами, отступая, чтобы официант смог пройти в номер и занести большой поднос.

– Вызовите мне такси! Немедленно! – а вот Заноза ему дорогу заступила.

Я поймал взгляд парнишки и коротко качнул головой в сторону.

– Извините, но у нас городской телефон тут барахлит постоянно, – он меня понял и изобразил туповатого.

– Ла-адно, – она полезла в сумку за сотовым, но тут же психанула снова. – Почему нет сети?

– Ваш сок, – официант снял с подноса стакан с мутной жидкостью и протянул ей.

– Спасибо!

Она не стала больше докапываться до парнишки, поняла, что бесполезно уже, видимо. Выпила свою жижу почти залпом.

То ли с психу, то ли просто уже накричалась и реально пить захотела. Но я бы эту бурду точно употреблять не стал, подозрительная она какая-то. Заноза скривилась немного, но гадость проглотила.

А надо было не ерепениться и брать яблочный, всего-то. Женщины!

– Значит, такси нет, полиция уехала, а завтракать с вами у меня никакого желания нет, – она поставила стакан на поднос опять и посмотрела на меня. – Пойду пешком!

– М-м. Ну, доброго пути.

В ответ мне досталось только злое фырканье.

Потребовав у официанта показать ей дорогу, она бодро утопала по коридору на выход. А я снова стал застегивать манжеты. Позавтракал, блядь, нормально. В приятной, мать

его, компании.

– С собой это все упакуй, – я кивнул на поднос. – И поживее.

– Конечно, Михаил Михайлович, – он сразу же испарился. Курить на голодный желудок невкусно.

Я смотрел, как тоненькая фигурка в светлом платье удаляется по асфальтированной дороге, и дымил возле машины. Напрочь отбитая. Интересно, в школе ее знают, на что она способна, или это только мне так повезло?

И ведь не бросишь дуру.

Она нахрен ноги убьет, пока дойдет, или переломает на своих каблуках. А если кто-нибудь остановится подбросить? Заноза женщина привлекательная, а дебилов сейчас хватает, мало ли. Да и не хочу я ее оставлять, она мне заходит своим придурковатым упрямством.

Как шампанское пузырится, веселит меня.

С молодухой не сравнить, те скучные, предсказуемые.

– Михаил Михайлович, ваш завтрак! – по ступенькам сбегал официант с пакетом в руках. Подал мне его и два стакана в картонном капхолдере. – И кофе вот.

Я составил все добро на пассажирское сиденье, воткнул кофеек в держатели, а картонку из-под него просто выбросил в урну. Вот теперь можно и ехать, догонять эту бешеную. И пожрать, блин заодно уже!

Я распотрошил пакет, снял крышку с первого контейнера. О, колбаски! Я достал первую прямо голыми руками, от-

кусил сразу половину. Ум-м-м... Соус, гадство, не открыть, но и так пойдет с голодухи-то. Сама виновата Заноза Викторовна, не дала мужику поесть нормально, вот и нарвалась на грубости. Во мне почти девяносто килограмм живого веса, меня кормить надо.

– Хм, – я даже голову набок склонил, жуя.

А жопка у Занозы ничего такая.

Она хоть и не дефилирует, но повиливает очень аппетитно. Хорошие бедра, крутые. Посмотреть надо вживую. Пощупать...

– Евгения Викторовна, – я поравнялся с ней. – Вас подвезти?

– Спасибо, не надо! – она даже не повернула головы.

– Чего так?

– Я женщина самостоятельная, эмансипированная. А вы к тому же, не внушаете мне больше доверия.

– О-о, как, – я откусил кусок от следующей колбаски.

М-м, тут еще и картоха дольками запеченая. Годно!

Я отхлебнул кофе из стакана, руля одной рукой. На такой скорости и пустой дороге можно и коленкой рулить, если что, так что поесть я точно успею. А вот капризная рискует остаться без завтрака реально, потому что свою порцию я уже почти доел и останавливаться на достигнутом не хотелось.

– Что вам надо? – она не выдержала первой. – Чего вы за мной едете?

– Я не за вами, я рядом еду, – я пожал плечами.

– Езжайте уже!

– Так я и еду, – я коротко придавил газ, и машина заревела двигателем, набрасывая оборотов.

– Ой!

Заноза Викторовна отшатнулась от резкого звука, оступаясь на обочине. Взмахнула руками неловко, пытаясь удержать равновесие. Но отсыпанный гравий оказался коварнее.

Заскользил, закрутился под ее подошвой, покатился вниз, выворачивая ей ногу еще сильнее.

– Ой, мамочка! – Заноза Викторовна запищала по-девчачьи и со всего маху уселась на свою соблазнительную попку.

Облако придорожной пыли, тянущееся за тачкой, накрыло ее с головой.

Да бля...

Я чуть кофе не подавился, ударил по тормозам.

Сглазил, блядь! Давай, еще ноги мне тут переломай из своей вредности. Я, конечно, не против тебя на руках потаскать, моя Заноза, но тебе ведь это дорого обойдется, ой, как дорого! Одним желанием не отделаешься точно.

Из машины я вышел с кофе в руках.

Женя сидела на обочине, ощупывала пальцами лодыжку. Кривилась от боли, но зареветь себе не разрешала при мне. Мне стало не по себе. Ну, вот зачем так сопротивляться?

Можно же дать чуть слабины мне и себе самой. Оба бы

удовольствие уже получили, а не торчали тут как придурки.

– Растянула или сломала? – я отпил глоток кофе.

– Я вам не травматолог, – она огрызнулась.

– Встать можешь?

– А вы что, даже не поможете?

Во взгляде у нее было море презрения и вызова.

Меня аж кипяточком ошпарило по загривку от такой дикой смеси. Как у нее так получается меня бесить и возбуждать одновременно?

Нахер мокрощелок! Эту хочу!

– Боюсь, – я отпил еще глоток кофе. – Я помогать начну, а ты начнешь орать, что я твою эмансипированность не уважаю или еще какую хрень придумаешь.

Она подняла голову.

Посмотрела на меня внимательно очень. Будто пыталась взглядом в голову мне влезть. Будто проверяла меня сейчас на искренность. Даже захотелось наивно ресницами похлопать, изобразить одного из тех ангелочков, с которыми она привыкла работать в школе.

– Если я попрошу вас помочь, вы снова потребуете от меня расплаты? – она прищурилась, потому что солнце светило ей в лицо из-за моей спины.

– Конечно.

– Снова какой-нибудь безумный поступок?

Я тоже прищурился в ответ.

Как легко тебя развести, моя наивная большая девочка.

Даже обидно чуть.

– Не, – я качнул головой. – Все банально будет. Платье снимешь свое и голая до дома поедешь, всего-то.

Глава 7. Заноза Викторовна

Пришлось даже ладонь ко лбу приставить, чтобы его рассмотреть получше. Солнце било лучами из-за головы Михаила Косолапыча, заставляло глаза слезиться.

Нет, я не удивлена.

Нисколько.

Чего-то подобного я и ожидала. Такие люди, как он – иначе просто не могут. Не способны общаться по-другому, вся их жизнь это провокации и манипуляция другими людьми. Я же слышала, что о нем моя ученица рассказывала, да и видела воочию разок, как общаются отец и сын Медведевы.

А ко мне он пристал как репей. Не простил угрозы, надо же. Зацепила я его самолюбие, задела мужское достоинство.

– Не думала, что вы готовы к банальностям, – я продолжала сидеть на земле, а он стоял надо мной и спокойно пил свой кофе.

– Так старый же я уже, ты сама говорила, – широкие плечи дрогнули, приподнялись в легком жесте. – Куда мне до экстравагантных экзерсисов?

Гляди-ка, слова какие знает. А прикидывался тупым качком из девяностых.

Я оценивала ситуацию адекватно. Нога болит – жутко. Дергает ее прямо где-то внутри сустава, вроде бы опухоли нет на лодыжке, но объективно – встать и пойти снова я не

смогу.

Сотовой связи нет, то есть вариант с такси так и не вернулся ко мне.

Если я откажусь сейчас от предложения Медведева, то он просто сядет и уедет. Это было на его наглом лице написано – холодное равнодушие, отстраненность. Не было ничего там добродетельного или человеколюбивого. Он же бизнесмен, он предложил сделку, я должна ответить согласием или отказом.

Интересно, если откажусь, он мне такси из города хотя бы вызовет в качестве жеста доброй воли?

Но ждать его неизвестно сколько, сидя на земле?

Я этого не вынесу. Значит, выход у меня только один – соглашаться на его условия.

– Ладно, – я попыталась передвинуть ногу, но тут же оставила эту затею. Болючая молния прострелила по нервам почти до бедра, заставила поморщиться. – Я согласна.

– Серьезно? – Михаил Михайлович даже брови задрал от удивления.

– Ага. Но у меня тоже будет условие.

– Какое?

– Вы тоже свою рубашку и брючки скинете, – я кивнула на него самого. – Позориться, так уж вдвоем, за компанию, как считаете?

Косолапыч отступил к машине.

Поставил на ее крышу стакан с кофе и начал расстегивать

манжеты своей рубашки. Вначале один, потом другой. Ни слова мне не сказал! Вообще! Я только сглотнула набежавшую от растерянности слюну, когда он взялся за пуговицы на планке.

Расстегнул третью, потому что первые две от воротничка и так были расстегнуты. Потянул рубашку кверху, выдернул ее из-под ремня брюк. И абсолютно невозмутимо продолжил раздеваться посреди дороги дальше.

А потом просто стянул белую ткань с себя.

И тут уж слюна у меня набежала совсем не от растерянности. Медведев Михаил Михайлович, несмотря на то, что мы были примерно ровесники, выглядел...

Хорошо, если корректно говорить. Атлетично.

Весьма, я бы сказала, аппетитно.

Слюну я проглотила. И взгляд отвела на всякий случай. Неприлично же, а я женщина приличная. Преподаватель, как-никак. Художница. Мне о высоком думать положено, о творчестве... А не о случайно спровоцированном стриптизе посреди дороги в лесочке.

– Что-то не так? – противный полубог в Медведевском обличье глянул на меня исподлобья, но насмешливо. Забросил смятую рубашку в машину через приоткрытое окно.

– Все хорошо, – заверила я его. – Просто интересно стало, на какие же тогда экзерсисы вы не готовы, если раздеться на трассе для вас ерунда? О-о, Боже, нет! Стойте!

– Что не так? – он застыл, глядя на меня с вопросом и

держась за уже вытянутый наполовину из пряжки брючный ремень.

– Достаточно раздеваться, – я кашлянула. – Помогите встать, пожалуйста. Кажется, по мне уже поползли муравьи.

Он наклонился ко мне, подал руку.

Пряжка ремня, которую уже ничего не держало, громко звякнула прямо перед моим лицом. Очаровательно... Я рот открыла, чтобы возмутиться, но успела только взвизгнуть.

Михаил Михайлович не просто меня поднял. Он наклонился еще ниже, подхватил меня под колени и под поясницу, рывком вздернул с земли, забрасывая к себе на руки.

– Ой!

– Это было очень мило, – он улыбнулся углом рта и шагнул к машине. – Дверь сама открой, Жень.

Я ухватила за ручку.

Меня уже сто лет никто так не звал. Так по-простому, по-свойски. Тепло и нежно.

– Ногу аккуратнее, – он усадил меня на автомобильное сиденье и выдернул откуда-то снизу дополнительную полочку. – Сюда клади.

– А платье? – я глядела на него с интересом.

Чего это он такой заботливый? То угрожал, что голая поеду, то вдруг будто забыл об этом. А сам-то без рубашки...

Мужской статью меня дразнит, старый развратник.

– Ты серьезно думаешь, я позволил бы тебе ехать голой? – он набычился. – А если менты остановят? А на светофорах

как стоять?

– А-а-э...

Я зависла немного.

А как же то, что он до этого говорил? Или это была проверка?

– Так вы просто меня испытывали? – я даже растерялась от его заявления.

– Да.

– Вам нужно было, чтобы я просто вам подчинилась? Согласилась на ваши условия?

Глаза насыщенного шоколадного цвета внимательно оглядели мое лицо:

– Да.

– Зачем?! – возмутилась я.

– Надо.

Дверь машины громко хлопнула, отсекая меня от улицы и полураздетого господина Медведева. Нормально? И как это понимать?

Я посмотрела на собственное платье: грязное, пыльное. И нога такого приятного голубоватого цвета, м-м-м...

– Сейчас поедem в травмпункт, – несносный бизнесмен уселся за руль как был, с обнаженным торсом. – Покажем твою ногу врачу, дальше видно будет, что мы будем делать.

– Ничего не нужно будет делать, Михаил Михайлович, – я принципиально на него не смотрела. – Вы довезете меня до травмпункта, я скажу вам спасибо, и на этом наше с вами

общение закончится.

Здоровенный джип под руками своего хозяина зарычал, плавно тронулся с места и выскочил вновь на асфальт, по которому мы сегодня уже ездили.

– Ты так отчаянно не хочешь быть послушной, да, Женя?

– А должна? – я задрала подбородок.

– Моя женщина во всем должна меня слушаться.

– Так то ваша. Я-то при чем?

Медведь Косолапыч удивленно посмотрел на меня:

– Так я тебя выбрал на роль своей женщины. Ты не поняла еще разве? Ты проверку прошла, все. Выключай занозу.

Глава 8. Заноза Викторовна

Ждать ответ на сообщение было мучительно долго.

«Привет, Жень. Да, я на работе. Что случилось?»

Мне захотелось взвизгнуть от радости. Одна из родительниц моих учеников, а по совместительству медсестра городского травмпункта, сегодня была на работе. Большого мне и не нужно было, она мне все сделает.

«Ногу повредила, сейчас приеду к вам»

«Ну, как ты так? Давай, ждем. Очереди нет сегодня»

– С кем ты там переписываешься? – вроде бы даже спокойно спросил меня Михаил Михайлович.

Или мне его теперь как звать? Мишенька? Мишаня? Пупсик?

Я фыркнула сквозь сжатые губы, не сумев сдержаться. Женщина я его! Помогите, у меня сейчас истерика начнется. Сколько же в этом человеке самоуверенности?

Он меня выбрал!

Мне уписаться от восторга прямо здесь? Тоже мне, счастье полуголоое медведевское...

– Жень?

– А что, вашим женщинам положено еще и отчитываться во всем? – мне хотелось показать ему зубки. Точнее, клыки.

– Просто спросил, – он пожал плечами. – Чего ты начинаешь?

Это я, значит, начинаю...

Ну-ну.

– Знакомая работает в травмпункте. Спросила, есть ли у них очередь сейчас.

– Очень болит, да? – Михаил Михайлович дотянулся до моей руки, сгреб ее, будто имел на это право, сжал мои пальцы, начал их поглаживать.

– Спасибо за беспокойство, – руку я отняла. – Не настолько.

– Заноза!

Ничего подобного. Внешне совершенно равнодушная я смотрела вперед, в лобовое стекло. С нормальными людьми я вполне нормальная. Никто никогда не жаловался, я даже с подростками всегда умела найти общий язык, а большинство из них до сих пор мне звонят после выпуска.

Это же говорит о чем-то, верно?

Вот кто звонит Косолапычу? Сыновья-то хоть звонят?

– Да, алло, – он сдернул зазвонивший телефон с магнита на панели, а я улыбнулась. Шуточки у Вселенной какие. – Ломайте, если мешает, какие проблемы-то? План же у вас есть, по нему работайте.

– Что ломайте? – я выпрямилась на сиденье как суслик.

– Чего? – Косолапыч уже сбросил звонок и снова прицепил телефон на подставку.

– Кому и что вы приказали ломать? – меня раздирали нехорошие подозрения.

– Стены. Прорабу.

– Михаил Михайлович, – я почти зарычала. – Не заставляйте меня вытаскивать из вас по одному слову, вы же понимаете о чем я!

Он равнодушно дернул плечом, и отвечать не стал.

А я настаивать не стала больше. К чему? Он же явно про мою школу говорил. Сейчас лангет попрошу в травмпункте наложить, на ноги встану, и там разберемся уже, кто из нас заноза в чьей заднице.

Если я все правильно понимаю, то Медведев сделал хитро. Просто заплатил нашему директору, чтобы тот согласился сменить месторасположение нашей школы, подписал запрос. В Комитете Образования на нашу школу внимания мало обращают, лицензия есть, работаем и ладно. У них со средними школами вечно проблемы, им бы там разобраться, куда уж нам, считающимся всего лишь дополнительным образованием.

Но мне было обидно.

Я немало сил приложила в свое время, чтобы эту самую лицензию получить. И вот так переезжать на окраину города, таскаться туда самой, заставлять ездить учеников ради того, чтобы в нашем прежнем здании открыли какой-нибудь магазин или точку быстрого питания?

Я мстительно прищурилась.

Не дождутся. Эдуард Сергеевич, конечно, мне не расскажет ничего честно, дурак он, что ли. Но я сделаю все, чтобы

по официальным каналам проверить эту своеобразную сделку. Успокаиваться я даже и не подумаю, пусть не надеется.

– Приехали, – Михаил Михайлович повернул руль, и машина послушно въехала в небольшой дворик травмпункта. – Сиди, я тебе сейчас помогу.

– Большое спасибо, – я широко улыбнулась. – Вы та-ак любезны.

Эх, жаль, клыков нет у меня. Выглядела бы точно как кобра.

Он хмыкнул. Видимо, такие же точно ассоциации и у него в голове возникли. Вышел из машины, достал свою рубашку с заднего сиденья, набросил ее на плечи.

– Вы бы хоть застегнулись ради приличия, – я поджала губы, когда он открыл мою дверь.

– А я неприличный.

– Я вижу. Ой, нет, нет! – я заверещала и стала отталкивать его руки. – Не надо меня нести, я сама.

– Как ты сама, Женя? На лодыжку посмотри свою.

Я посмотрела.

Выглядела она несимпатично. Даже весьма. Но ехать у него на ручках? Нет.

– Вы просили выключить занозу? – зашипела я, опять отбивая его ладонь. – Я выключила. Теперь вы адекватного включите, пожалуйста. Что обо мне люди подумают, если вы меня понесете? Тут знакомые мои работают, меня полгорода знает!

– Все о репутации заботаешься? – Медведев сузил глазищи свои шоколадные.

– Ну, вам-то заботиться не о чем!

– О моей репутации мы вроде все выяснили уже. Сползай, давай тогда сама, доходяга с хорошей репутацией. Под лапку тебя поведу.

Я немножечко расслабилась.

Если честно, не думала, что он согласится и перестанет настаивать. Он же действительно неприличный, ему плевать на остальных людей, а в особенности на их чувства и достоинство. С ним рядом опозориться – раз плюнуть.

Но опереться на крепкую мужскую руку все же пришлось.

Противная нога, стоило опустить ее на землю, снова задержала по нервам болью, и ступать на нее можно было только очень медленно. Но можно же! Значит, перелома, наверное, нет? Я на это надеялась отчаянно.

– Женья! – ко мне бросилась моя знакомая, но притормозила, увидев рядом Медведева. – Здравствуйте.

– Здравствуйте, – он улыбнулся ей так, что она даже опешила. – Нам нужна ваша помощь.

– Д-да, конечно, конечно. Я сейчас, кресло возьму!

– Михаил Михайлович, прекратите так привлекательно улыбаться людям, – я запыхтела от злости.

– То есть ты признаешь, что я привлекательный?

У-у-у...

Я признаю, что преступления, совершенные в состоянии

аффекта действительно могут случаться, вот что.

– Садись, Жень, вот, – к нам лихо подъехала инвалидная коляска. – Сейчас рентген сделаем, я предупрежу врача, сбегаю. Только обувь нужно снять, ага?

– Да, хорошо, – с помощью Медведева я уселась на предложенное транспортное средство и потянулась к ноге.

Но коснуться моей же собственной конечности он мне не дал.

Развернул мою коляску так, чтобы меня никто не потревожил, если мимо пройдет. Сам опустился на корточки, обхватил меня за икроножную мышцу и приподнял немного.

– Михаил Михайлович, – я отчаянно покраснела.

Я же ноги не брила утром! А что если я колючая?

И вообще не нужно меня трогать, я же стесняюсь.

– Что? – он аккуратно сжал мою пятку и стал стягивать туфлю.

– Я бы сама справилась.

– Я знаю.

Мне захотелось пошевелить освобожденными от обуви пальцами, но перед его лицом я себе так сделать позволить не могла. Слишком близко он находился, слишком интимно это все выглядело.

И его прикосновения...

Невыносимый Медведев ласково погладил меня по ноге. Провел теплой, почти горячей ладонью от ямки позади колена до чуть распухшей лодыжки, заставил порывисто вдох-

нута. Посмотрел на меня снизу вверх:

– Даже самым вредным занозам нравится, когда о них заботятся, верно?

– Верно, – прошептала я, шоколад его глаз завораживал.

– Соглашайся, Женя.

– На что? – он знал, как правильно касаться женщин.

Его руки оставляли на коже жаркое и приятно-щекочущее ощущение. Заставляли дышать через раз...

– Станешь моей любовницей добровольно, я оставлю твою школу в покое. Идет?

Глава 9. Михаил Михайлович

– Легкова!

Женя вздрогнула от неожиданности.

Обернулась на голос, а я выматерился про себя. Вот не мог этот травматолог выползти на пять минут позже? Я бы ее дожал...

– Проходите, – молодой враченок ухмыльнулся, делая жест рукой в кабинет. – То есть проезжайте!

– Полегче, док, – я среагировал на то, как легко нахмурилась Женя. Шутка за триста ей явно не понравилась. – Выражения выбирай.

– Простите.

Он стушевался и даже попробовал помочь мне вкатить коляску с Женей в кабинет, но я отстранил его руки.

– Вначале нужно сюда, – он похлопал по столу рентгеновского аппарата. – Снимочек сделаем, а потом посмотрим, что и как.

– И все равно ведь я тебя на ручках покатаю, – подмигнул я Занозе.

Она сморщила нос, но противиться при враче не стала.

Позволила себя поднять из инвалидного кресла, пересадить на стол. Одернула подол торопливо и тщательно, прикрыла ноги передо мной и врачом. После снимка я ее точно так же вернул обратно в коляску и выкатил из кабинета. До-

ждался вместе с ней травматолога у врачебного кабинета и завез туда.

– Женья, – я склонился так, чтобы она ухом мое дыхание почувствовала. – Я выйду на пять минут, ладно? Мне звонят уже в третий раз, наверное. А потом вернусь.

– Да, да, конечно! – она даже плечи задрала, спасаясь от моей близости. – Можете не торопиться, Михаил Михайлович.

Заноза!

Я буду торопиться, уж поверь. Но на звонок ответить надо было, телефон уже реально разрывал карман брюк вибрацией, а такая настойчивость порождала напряжение.

Достал телефон я уже в коридоре травмпункта.

– Да, сын, – то, что звонил старшенький сыночек только подкинуло тревожности. – Что-то в комплексе?

– Батя, Ева рожает! – выдохнул он мне в трубку охреневшим голосом.

Эм-м-м...

Ну, круто. А я что могу поделаться?

На этот вопрос мне сын ответить не смог. Наоборот, сам меня переспросил:

– Батя, а чо мне делать? – его явно штормило и штормило очень даже прилично.

– А ты где?

– Так тут, в больнице с ней. Только она меня с собой не взяла, – как маленький нажаловался он. – Сказала, что нехер

мне смотреть на все это.

– Так и сказала? – мне стало смешно.

Узнаю Евку.

Отличная девчонка, не зря ее сразу старшенькому в жены определил. Кремень, в клубе у меня работала как заведенная, любую задницу пережевывала так, что мужики-управленцы завидовали. А уж как Мирослава наизнанку вывернула – просто огонь.

Уж она-то родить мне внука должна без проблем.

– Батя, хорош ржать!

– Так я и не ржу, – я решил быть немного милосерднее к сыну. – Выйди на улицу, покури, что ли.

– Так я уже полпачки за полчаса!

– Тогда – терпи.

Я сам вышел из травмпункта, вернулся к машине и достал свои сигареты. Парни, как и я, постоянно не курили. Так, от случая к случаю, когда нужно было сосредоточиться или просто подумать, потупить в тишине одному.

И в чем-то я даже Мира понимал.

Рождение первого ребенка для всех мужиков проходит волнительно. Это – рубеж.

– Бать, а когда меня мама рожала, что ты делал? – сына разматывало как ветошь.

– На ивээсе сидел, – честно поделился я правдой, которую мои сыновья еще и не знали даже. – Но это хреновый пример для подражания, ты так не делай, ладно? Евка расстроится

точно.

– За что сидел? – он сейчас шутки воспринимать был не способен.

– Да было за что, – я тоже подкурил и выдохнул дым в воздух. – Ты, короче, давай, не теряйся и далеко от нее не уходи. Я очень жалел, что твой первый крик не услышал, но мне бы и не дали, времена другие были, не пускали в больницы тогда.

– Понял.

Звонок резко оборвался, а я хмыкнул.

Побежал же явно под двери палаты или где там рожают нынче. А я вдруг провалился в воспоминания. Задумался, оперся о кузов машины локтем, еще раз затянулся.

Первая и единственная жена подарила мне когда-то Мира и Яра. А потом ушла от нас, спряталась на облаках, оставляя меня с детьми на руках против всего этого мира.

И я выжил. Вылез. Затолкал тоску по ней куда-то на дно души работой. Заглушал, как мог, пока она не превратилась в легкую грусть и благодарность за рожденных сыновей.

Вырастил я их и неплохо вроде даже воспитал. Дал им все, научил быть самостоятельными. А сейчас вот, сегодня, дедом стану. Я громко цыкнул и выкинул сигарету под колесо машины.

Тоже же рубеж. Очередной.

– Де-ед, – медленно протянул я вслух, глядя на окна травмпункта, где сейчас сидела моя Заноза. – Дед, который

собрался себе новую любовницу завести. Дед Медведь и бабка Заноза. Н-да...

Жизнь упорно мне подсовывала доказательства, что я уже не тот молодчик, которым себя чувствовал. Но вот хер-то она и угадала!

Да и Женя на бабушку не тянула.

Не молодайка, да. Женщина в самом соку. Ножки-то я не зря ей огладил сегодня, и сам кайфанул от нежной кожи и ее заставил немножко встряхнуться. Вспомнить, что она не только упрямая и вредная училка, но и женщина.

С охерительной фигуркой, между прочим!

Такую из койки выпускать не хочется. Только, чую я, пока мы до койки доберемся, она мне всю кровь выпьет, и мозг чайной ложечкой съест на десерт. Я закрыл машину и пошел обратно за ней. Ну, зато так и интереснее, с одной стороны. Послушных и покладистых за пачку купюр я и так могу найти легко. А такую, как Женя – днем с огнем...

Кабинет врача был почему-то заперт.

Я толкнул дверь пару раз, повернул ручку, но безрезультатно. Это они что, заперлись там вдвоем? В башку, как назло, сразу же влезло воспоминание, что блядский молоденький доктор тоже был блондином. Не таким сладеньким, как Женин ученик в школе, которого я видел, но все же.

– Где ваш врач? – я едва сдержался, чтобы не рывкнуть на медсестру, которая давала нам инвалидную коляску и неосторожно высунулась сейчас из соседнего кабинета.

– Так, на обед ушел, – растерялась она.

– А где Женя? Легкова Евгения Викторовна.

– Так, ушла, – продолжала «такать» медсестра, растерявшись от моего рыка.

– Куда ушла?

– Так, домой, – она уже даже руками развела в стороны, чтобы до меня лучше дошло. – Перелома у нее нет, мы ее обезболили, ортез надели и она ушла.

– А запасной выход где?

Медсестра молча показала пальцев в противоположный конец длинного коридора.

Вот Заноза!

Наверняка, увидела, что я пасусь возле машины и удрала через запасной выход. Не попрощалась даже, невоспитанная училка! Кто учит нынешних детей, ай-яй-яй...

Я обезоруживающе улыбнулся медсестре:

– Спасибо большое.

– Пожалуйста, – она зависла повторно, как и при нашем появлении здесь.

Но мне уже было плевать на нее.

Удрала Заноза все-таки. Я развернулся и снова зашагал к выходу. Какая сильная и самостоятельная личность ко мне в любовницы просится, глядите-ка. Я снова достал телефон и набрал нужный номер, уже садясь в машину.

Куда ты денешься от Медведя, дорогая моя раненая львица, ну, куда?

Твой отказ зафиксирован, не взыщи уж...

– Эдик, – я мог себе позволить обращаться к этому дятлу просто так, по имени. – Помнишь же, о чем мы договаривались? Пиши все, наступил план Б.

Глава 10. Михаил Михайлович

Всегда любил раннее утро.

И понедельники тоже. Не считал их началом недели, для меня всю жизнь понедельник был обычным днем. Это для бюджетников выходные были выходными, а я пахал ежедневно, всегда. Было ради чего, не за зарплату трудился.

Я отпил кофе из большого стакана, купленного на заправке по трассе из Москвы. Поглядел на часы. Что-то задерживается Эдик, этого я не люблю. Все договоренности должны исполняться четенько, потому что за них платится денежка.

Я даже фыркнул.

Денежка, блядь. Нехилая денежка, я бы даже сказал деньга.

– Михаил Михайлович! – когда директор Жениной художественной школы подъехал все же, он изобразил безудержную радость. Разве что лобызаться в уста мои усатые не полез.

– Дистанцию держи, я брезгливый, – я отгородился от него стаканом с кофе.

Не хватало мне тут еще обнимашек с кем попало.

– Заявление привез?

– Да, – он, видимо, уже привык, что его так обрубают или просто стерпел ради баблишка. – Вот!

Я забрал у него исписанный лист.

Ага. Заявление по собственному, дата сегодняшняя. Все как будто бы нормально, все как и договаривались. Операция по доступу к вредному Жениному телу вышла на новый виток.

И он ей точно не понравится! Зато мы станем резко ближе, гораздо ближе. И что особенно меня радует – именно физически.

– Все, – я взял с пассажирского сиденья папку с документами и вложил туда заявление. – Можешь быть свободен.

– А деньги?

– А деньги тебе переведут тогда, когда я буду назначен новым директором школы.

На лице Эдика мелькнуло огорченное выражение. Как у ребенка, которому показали шоколадку, а в рот всунули ложку с брокколи. Но сдаваться так быстро и избавлять меня от своего общества не хотел.

– Михаил Михайлович, а зачем вам все это?

– Что именно? – я нахмурился.

Вопросы о всяких разных смыслах меня всегда напрягали. Зачем их искать, если можно просто делать то, что хочется. Потому что просто хочется!

– Школа наша. Вы так упорно подминаете ее. Евгении Викторовне за что-то мстите?

А Эдик-то наблюдательный!

Просек, что именно Заноза меня в этой их образовательной шараге интересуется.

– Я женщинам никогда и ни за что не мщу, – я спокойно закрыл пассажирскую дверь и обошел машину. – Не для этого мне природа яйца дала. А вашу Евгению Викторовну я просто трахнуть хочу, вот и все.

– Так... А зачем так вот?

Пока еще директор художественной школы знатно подохренел и даже лапками развел. А я его понимал! Не понимал только, почему эта заноза мне сопротивляется так усиленно.

Согласилась бы на все, я же шанс давал.

Провели бы времечко вместе, успокоили зуд во всяких разных местах. И все, я бы отвалил, отвечаю. Может, не сразу, она мне реально зашла, но тем не менее. Даже ремонт бы ей сделал в школе в качестве спонсорской помощи, что уж я зверь какой? Я благодарный вообще человек.

Так нет, же, обязательно усложнять все надо, в гордость играть.

Какая нахер гордость в наши годы?

– Потому что некоторые женщины, Эдик, требуют совершения определенных телодвижений в их сторону. И не всегда это прикладывание карточки к терминалу. А жаль...

Я сам хмыкнул на свои же слова.

А может, и не жаль. Да похер, в общем-то. Говорю же, не люблю поиски смыслов. Хочется мне эту занозу, зацепила, коза, и все. А если мне чего-то хочется...

– Все, я поехал. Сделаю все, деньги перекину, – я влез за руль и завел двигатель.

– До свидания!

К Комитету образования я подъехал ровно через десять минут после начала рабочего дня. И куда надо попал сразу же. Все же имя и звонок из Министерства всегда чудеса творили.

– Пишите заявление, – мне дали листок и ручку. – Но учтите, кадровый вопрос в школе вам придется решать самому.

– А что не так с кадрами? – свое первое в жизни заявление о приеме на работу писать было забавно.

– При смене руководства всегда происходит ротация, – терпеливо пояснила мне сотрудница. – Кого-то вы не захотите видеть, кто-то с вами не захочет работать. Но я вам сразу говорю, с кадрами в городе напряженка, слишком узкая у вас специализация. Мы и обычных-то учителей набрать не можем, в обычные школы.

Кхм...

Я кашлянул и продолжил писать. Не было таких крепостей, которые бы мы не взяли, как говорится. Все во имя великой цели! И имя у этой цели - Заноза. А если она попытается взбрыкнуть и уволиться, то хер я ей это сделать позволю. Остальные мне вообще не интересны.

Переговорив и по поводу нового здания для школы, я распрощался со строгим государственным учреждением.

Мысли о Жене царапали все воскресенье.

Нога ее покоя не давала, но я решил не давить. В конце

концов, надеюсь, эта дурная отлежалась дома, а не скакала по городу. Скакал как раз я. Созванивался, решал, утрясал все вопросы по старому зданию, где раньше была художественная школа. И добился обещания, что из фонда памятников архитектуры его исключат. Дело было небыстрым, но и я никуда не торопился, все равно выкуплю.

Коммерческая ценность у здания была, конечно, но по сравнению с моими прошлыми проектами – мизерная. Можайск все же маленький областной городочек.

Так что все будет неспешно.

Я доехал туда, проверил, как идут работы, переговорил с прорабом. Сам ему показал, что и где мне нужно будет сделать. И только уже ближе к обеду набрал свою Занозу.

– Ну, давай, возьми трубку, – я сидел в машине перед ее домом и разглядывал окна. Интересно, какие ее?

Телефон исправно погудел мне в ухо несколько раз, а потом звонок сорвался.

– Да что за? – я набрал заново, но автоматическая женщина вежливо меня известила, что абонент находится вне зоны покрытия. – Заблокировала, что ли?

Я смотрел на дисплей, как debil.

Реально? Меня заблокировала? Я набрал еще раз – результат тот же. Да ну нахер! Я открыл в заметках файл, который мне скинул помощник. Легкова Евгения Викторовна, тысяча девятьсот восемьдесят первого года рождения. Адрес: улица Двадцатого Января, дом семь, квартира двадцать

пять.

Я даже наклонился, чтобы все окна до самого пятого этажа увидеть.

И где она, двадцать пятая квартира?

Я громко щелкнул ремнем и полез на улицу. А херли гадать? Сейчас зайду, да и изнутри посмотрю. В подъезд попасть удалось быстро, с выходящей соседкой. Звонить в домофон я принципиально не стал. Не откроет все равно, если уж даже по телефону поговорить не захотела, заноза.

Найдя квартиру с металлическими цифрами «два» и «пять», я нажал кнопку звонка.

– Кто там? – Женин голос пробежал по венам успокоительным и бодрящим потоком одновременно.

– Я, – честно признался я.

Ну и выпрямился, естественно.

Она же по-любому сейчас в глазок палить будет.

Из-за двери не донеслось ни звука. Не щелкнул замок, не раскрылась она, никто не пригласил меня приветливо в дом, предлагая чаек.

– Женя, открой, – я коротко стукнул костяшками пальцев.

Тишина.

– Женя-я...

Вот заноза! Ну, зачем быть такой упертой? У меня же такие новости для нее есть! Закачается!

– Я же все равно войду, – пообещал я. Что-то часто я себя рядом с ней себя идиотом чувствую, это злит. И заводит

адски! Дорвусь – загнул так, что все звезды у меня увидит.

– А я полицию вызову!

Хех... Проходили же уже. Опыт не засчитан, что ли?

– Жень, – я потянул сухожилия на шее. – Открывай, милая...

Ни звука мне не выдала в ответ на ласковое обращение.

Л-ла-адно... Я отступил от двери и открыл браузер в телефоне. Умный на дверь бросаться не будет, он иначе сделает. Поиск выдал мне несколько номеров, и я набрал первый попавшийся:

– Здравствуйте, – я спустился на межэтажную площадку, чтобы за нервы Занозу лишний раз не дергать. – Мастер нужен, приехать сейчас сможете на Двадцатого Января?

– Здравсте. Квартиру вскрывать будем или гараж?

Я посмотрел на блестящие цифры-номерок на Жениной двери.

– Квартиру. Обычную. И побыстрее.

Глава 11. Заноза Викторовна

Я развернула конфетный фантик.

По такому поводу я позволю себе еще одну сладость, так уж и быть! Горький шоколад начал топиться на языке, а я улыбнулась. Победа над Медведем, уже вторая, многого стоит!

Но с другой стороны было немножко обидно.

В загородном ресторане он с полицией разобрался быстро, чего же тут испугался? Внимания соседей? Я прищурилась и отпила глоток крепкого вкусного чая. Логично, в принципе. Там-то он был как будто бы на своей территории, а тут – многоквартирный дом. Тут он в меньшинстве, тут его никто не знает.

Но ведь он и после моего побега не приехал. Признаваться себе, что ждала его и в субботу, и в воскресенье было немножго стыдно, но...

Так оно и было.

На лестничной площадке кто-то затопал, но я даже внимания не обратила. Лето, молодежь так и шляется, днями и вечерами. Молодых людей в нашем подъезде жило много, от малышей до совсем уж здоровых лбов. На всех внимания обращать – я еще не настолько состарилась, да и бинокля у меня нет, чтоб наблюдать за всеми.

Допив чай залпом, я встала, чтоб вымыть кружку.

Я сегодня молодец, стирку устроила. Развешала в спальне свое бельишко аккуратненько, все трусишки по линейке почти, как я люблю. Убралась даже, все везде протерла.

Хорошо, что нога уже почти не болит. Если ходить размеренно, почти и не чувствуется, отдых пошел на пользу. Я открыла воду и стала мыть после себя посуду. Тщательно все ополоснула и поставила на коврик. Опять что ли трубы гудят?

Я даже приблизила ухо к крану, прислушалась.

Нет, это не трубы...

Так, со склоненной головой, я медленно и вышла из кухни. Чтобы сразу же остолбенеть от ужаса. В полумраке тесной прихожей мелкие желтые искры казались фейерверком. И летели они не откуда-нибудь, а из щели между дверью и дверным косяком.

– Что происходит? – я перепугалась не на шутку. – Кто там?!

Искры резко исчезли, а тонкий визг пилы, который я приняла за гудение труб, стал глуше. Но только на пару секунд, потом все возобновилось.

Я метнулась снова в кухню.

Схватила телефон, дрожащими руками набрала пароль, чтобы его разблокировать. А вот ткнуть в ноль-два уже не успела, входящий звонок убрал с дисплея кнопки с цифрами.

Медведев!

– Вы что творите? – я смахнула бегунок, выскочила снова

в прихожую и почти выкрикнула свой вопрос.

Искры резко пропали, а моя дверь приоткрылась наружу.

И в этой щели показалось лицо незнакомого мне рабочего в мятой кепке.

– Я? – он от моего крика растерялся. – Так вас спасаю!

– Спасаете? – я опустила телефон, даже не успев ничего в него фактически и сказать.

– Добрый день, Евгения Викторовна, – дверь раскрылась шире и, оттеснив мужичка, на пороге появилась знакомая мне по своим гадким методам персона. – Какие у вас в Можайске отзывчивые и быстрые люди, мне нравится.

– Ну, знаете! – я стиснула телефон и покачала головой. – Это уже переходит все границы, Михаил Михайлович! Я вызываю полицию!

– Какая полиция? Мужик, ты ж сказал, там твоя жена!

– Что? – взвизгнула я.

– Спокойно. Никакой полиции не будет, не ссы. Вот твои деньги, давай, свободен.

Медведев достал две красные купюры и впихнул их в руки мастера.

Хлопнул его по плечу, окончательно убирая с моих глаз долой, и вошел в квартиру, прикрывая за собой дверь.

– Вы, вы, – я давилась воздухом, совершенно не понимая, что ему сказать.

– Тише, тише, – он положил свои ладони мне на плечи и погладил. – Не переживай так, милая. Как ножка? Болит

еще?

– Михаил Михайлович, вы охренели?

Я – все.

Я разочаровалась в себе, как в преподавателе.

Я больше не знала, как с ним разговаривать на нормальном, адекватном языке взрослых воспитанных людей. Он непробиваемый! Непрошибаемый! Я больше не знаю, что мне с ним делать и почему он вообще ко мне прицепился!

– Хм, – Медведев даже брови задрал. – Неожиданно. Но мне нравится, когда ты вот такая настоящая. Сучности меньше, искренности больше. Давай еще?

– Выйдите вон! – я сбросила его руки с себя и указала на сломанную его стараниями дверь. – Вы перешли все границы, вы проникли в мой дом, когда я вам этого не разрешала!

– Я ж сказал, что войду, – он пожал плечами и наклонился, чтобы снять туфли. – Я вошел. В следующий раз не будешь упрямитесь. Вообще не советую упрямитесь, со мной это не прокатывает.

– Не смейте разуваться!

Мне захотелось схватить ложку для обуви и как следует огреть этого наглеца по затылку, пока он так удобно наклонился.

– Ну, я же топтать не хочу. У тебя чистенько, – он на мои слова, как и на все предыдущие, внимания не обратил. – Хозяшка ты. Хорошенькая квартирка, но маленькая.

Я запыхтела.

Нет, я не буду опускаться! Говорить ему, что не все люди так умело умеют воровать деньги, чтобы жить во дворцах, как он, я не буду. Некоторые зарабатывают честным трудом!

Кто-то же должен быть порядочным, в конце концов!

– Михаил Михайлович, давайте вы просто уйдете и все? – я сжала кулаки. – Я обещаю, что не буду на вас писать заявление в полицию и даже не стану предъявлять вам счет за испорченную дверь. Просто уйдите и все.

Слово «пожалуйста» добавить в конце хотелось очень, но я сдержалась.

Не работает, я понимала. Этот Косолапыч добрых слов не понимает, он действует с позиции силы, а что я могу? У меня против него никаких шансов, ни физических, ни материальных.

– А чего такая нервная? – Медведев вдруг подозрительно прищурился. – Пускать не хотела, визжишь как сирена. Ты что, не одна?

– Что значит – не одна? В каком смысле не одна?

Я воткнула кулачки в бока и скривилась. Приятно, конечно, что он предполагает у меня ухажера, но, увы – мимо!

– Заноза, – его тон стал угрожающим. – Не надо меня за яйца дергать, я ревнивый. Отвечай.

– Михаил Михайлович, – я опять показала ему на дверь. – Прошу!

Он вдруг расслабился.

Расправились широкие плечи, он будто весь пластичнее

стал. Текучей, мягче. И от этого еще страшнее.

– Значит, приволокла своего ангелочка домой, да? Поразвлекаться в уикэнд?

– Михаил Михайлович, стойте!

Я попыталась в него вцепиться, но пальцы соскользнули с гладкой ткани сорочки, а Медведев ринулся вглубь моей квартиры как взбешенный вепрь.

Божечки! Мои трусы!

Глава 12. Михаил Михайлович

Ну, кто у нее тут? Кто? Ангелок тот из школы?

Я почти поскользнулся возле ванной, носки на паркете заскользили как лыжи, но мне было похрен. Рванув на себя дверь, я заглянул в маленькое помещение.

Пусто!

– Михаил Михайлович! – Заноза за спиной верещала, тыкала меня в спину, но остановить, понятное дело, не могла. – Михаил Михайлович, это возмутительно!

Возмутительно мне не давать и таскать к себе каких-то левых мужиков, дорогая! У меня дышалку рвало от бешенства и ревности. Вся такая домашняя и красивая она для кого тут сидела? Не открывала почему?

Сразу за ванной была спальенка.

Нежная, почти девичья, оклеенная светлыми обоями в какие-то непонятные мне розочки. Где, блядь? Под кроватью? Я ухватился за царгу из обычного белого ЛДСП и почти поднял ее всю, заглядывая вниз.

– Михаил Михайлович, прекратите этот цирк! – завопила Заноза уже во весь голос.

А это что за хрень?

В изножье кровати стояла сушилка.

Обычная, бытовая. Прутики алюминиевые длиной в метр на ножках, а на прутиках...

– Не смейте!

– Твое? – я удержал рукой бросившуюся к сушилке Занозу и снял ближайшие же ко мне трусики.

Красные...

– Нет, соседские постирала! – она огрызнулась, но румянцем залилась почти под цвет своего белья. – Отдайте!

– Стоять! – я вдохнул поглубже, раскатывая в пальцах мягкое кружево. – Для кого покупала?

– Михаил Михайлович!

– Да хватит уже Михайловичать, просто Мишей зови, – оборвал я ее возмущения. – Так для кого красота куплена, спрашиваю?

– Для себя!

Она фыркнула.

Сложила руки на груди, всем видом мне показывая, что такая сильная и независимая, как она ни за что в жизни не будет покупать белье для кого-то там еще, кроме себя.

Дыхалку так и не отпустило.

Такая она гордая была в этот момент. Такая упрямая. Вздернутый нос, реснички дрожащие. И губы... Сладкие, с мелкими морщинками по краешкам пухлой плоти. С боков на живот, а потом и в пах пошла жаркая волна крови.

Заставила член вздрогнуть, начала толчками его поднимать.

– Женя, – я зажал ее трусики мизинцем, а остальными пальцами обхватил ее скулы. – Женя...

– Да вы что, вы, – она впечаталась лопатками в дверной косяк и заверещала. – Михаил Михайлови...

Замолчи-и, женщина...

Она замычала мне в рот. Заколотила меня по плечам кулачками, выгнулась всем телом, пытаюсь оттолкнуть. А меня уже крыло ее вкусом. Жарким языком, мне сопротивляющимся.

Одно движение и ее запястья оказались прижатыми к дверному наличнику.

Заноза заскулила, заелозила подо мной. Поняла, что оказалась фактически распятой, что я ее перед собой раскрыл уже. Вдавился в губы жестче, не разрешил отвернуться или сжать челюсти и спрятаться.

Не дам!

Уже не отпущу!

Я провел языком по ее небу, по острым зубкам, которыми она меня каждый раз кусала. Закружил по всей поверхности ее языка, выпивая каждый стон. Сла-адкая... До одури волшебная Заноза!

От нее крышу сносило!

Я отпустил ее руки, потому что она уже на цыпочках стояла. Запустил пальцы в растрепанные волосы, сжал пряди у корней, натянул, меняя угол нашего поцелуя.

Блядь, как же вкусно!

Женя застонала громче, вцепилась в мою рубашку на плечах, скомкала ее. И на секунду упустила себя. Не оттолкнула

меня языком, а толкнулась навстречу. Твою мать, ответила! Я готов был завывать сам. Обхватил ее бедра, дернул на себя, врезаясь пахом ей в животик.

В мягкий, спрятанный под халатиком животик своим уже каменным стояком.

– Нет! – она выдохнула.

Поймала один короткий миг, когда я дал ей вдохнуть.

– Женя, – ее волосы снова оказались между моих пальцев.

– Если я узнаю, что у тебя кто-то есть...

– Да вы с ума сошли, что ли?! – она выглядела максимально охреневшей.

С расширенными зрачками, красная от смущения и возмущения одновременно, с опухшими от нашего дикого поцелуя губами. Дышала рвано, так же, как и я.

– По ходу, – я опять прижался к ее губам.

М-м-м...

Глаза закатывались прямо под черепушку.

– Нет же! – она упиралась мне в грудак, в надежде отодвинуть или выскользнуть самой.

– Да же, – хотелось веселиться над ее потугами как пацану.

– Какого черта вы творите?

– Целую женщину, которую хочу, – я опять прижался к ней пахом, подкрепляя свои слова физическим доказательством своего желания. – А ты не поняла, что ли?

Она пискнула и втянула живот.

Максимально, наверное, к позвоночнику его приклеила.

Даже дышать нормально не могла, поэтому вместо слов вырвался писк:

– Я вам своего согласия не давала!

– И чо?

Я обожал этот вопрос.

Об него разбивались примерно девяносто процентов возражений, которые могли бы возникнуть в разных ситуациях. Но Заноза не была бы моей Занозой, если бы не втиснулась именно в ту самую оставшуюся десятку.

– А ваша репутация от попытки изнасилования не пострадает? Или адвокаты снова будут на страже?

– Чо? – я даже сразу не врубился, про что она говорит.

– Или это другое? – она все же выкрутилась и отскочила обратно в коридор, от меня подальше, к выходу из квартиры поближе.

– Какое другое, ты о чем? – я психанул.

Слово, которое она произнесла, вскипятило мне кровь почище ревности.

– Какое нахер изнасилование, Женя?

– А что это было?

– Поцелуй это был женщина! – я пошел на нее. - На который ты между прочим ответила!

– Я?!

– Евгения Викторовна, – в прихожей нарисовался какой-то очкастый субъектенок. – У вас все в порядке? А то дверь, смотрю...

– Ой, Паша, здравствуй! – Заноза затравленно обернулась и сгребла на груди воротничок халата, прикрываясь.

– Здрасте...

– Ты кто, бля? – мое моральное забрало рухнуло снова.

Опять, блядь, малолетка какой-то вокруг нее вьется?! Да они охуели тут все до бессознательности? Это моя женщина, алло!

– Все в порядке, Паша, иди, – Заноза аж подскочила к нему и за плечи вытолкала из квартиры. – Все хорошо, спасибо тебе за беспокойство, иди!

– Вы стучите, если что...

– Да, да, спасибо!

Она торопливо закрыла за ним дверь.

Ну, как закрыла... Прикрыла. Защелка-то теперь все, только основным замком пользоваться можно будет.

– Женя, это кто?!

– Сосед мой, – нахалка опять сложила ручки под грудь. – Очень хороший, положительный молодой человек. И красивый очень, девушки толпами на него вешаются. А вы что, Михаил Михайлович, ревнуете?

Я засунул в карманы брюк руки и прищурился.

Драконит меня, да? Специально подначивает, чтобы я опять взбеленился. Испытывает так, что ли?

Я шагнул к ней и удрать в кухню уже не позволил, перехватил за талию и снова притиснул к стенке.

Мр-р-р, моя провокаторша...

– Это ты нарываешься, да, сейчас? – мне скалиться хотелось, такая она вкусная была, такая ладная в моих руках.

– Подстрекаю! – Заноза упрямо глядела прямо в глаза.

– Зашли, значит, поцелуйчики? Может, продолжим?

– Сначала договор! – она уперлась руками мне в грудь и надавила. – Иначе я буду кричать, а дверь у меня сломана. Услышат все! Вы же сами видите, какие у меня соседи заботливые. Вам оно надо?

Я скривился.

Что за договоры? Какие с женщинами могут быть договоры, когда внизу все уже стоит и изнывает?

– Давай позже, Жень...

– Нет, сейчас! – она сделала мне большие глазищи.

Вздых я не сдержал.

Сейчас же, по-любому, какую-нибудь ересь задвинет. А мне уже невтерпех! Я бы и надавил, может, так она опять орать про изнасилование начнет. Вначале, понятно. Это уж потом ей хорошо станет и тональность сменится. Но она же, блин, у меня утонченная натура, художница.

Травму ей нанесу какую-нибудь еще.

По тарологам пойдет, не дай Бог, к астрологам. Ой, нахер, короче! Я уперся в стену над ее головой рукой:

– Давай. Чо ты там хочешь за поцелуйчики?

Глава 13. Заноза Викторовна

Слюна не просто прокатилась по слизистой горла.

Она гулко провалилась вниз, и Косолапыч это услышал. Изогнул свою бровь темную, ухмыльнулся издевательски одним углом рта.

У-у-у... Махинатор наглый!

Толкает меня на что? Вынуждает ведь, манипулятор! Я постаралась взять себя в руки. Ну и что, что он тут надо мной висит? Ну и ладно, что теперь соседи судачить будут, что у меня мужчина какой-то завелся в квартире. Я женщина давно и надежно разведенная, я мораль не нарушаю. Только от поцелуя его до сих пор коленки трясутся, но это мелочи.

Справлюсь!

У меня вариантов других нет.

– Так, и? – Медведев склонился еще ниже, снова угрожая мне поцелуем, и я заторопилась.

– Во-первых, вы освободите мою школу от своих... Захватчиков!

– От кого?

Он даже хохотнул, переставил руку по стене повыше. Развеселился от такой формулировки, огладил бороду, посмеиваясь.

Шоколадные глаза искрились весельем, Михаил Михайлович явно получал удовольствие от того, что между нами

происходило. Его такие перформансы радовали только, он ими наслаждался.

– Я вроде не захватывал ничего пока еще.

– Да что вы? А как назвать все эти ваши грузовики? В общем, мое первое требование – чтобы вы оставили школу в покое. Именно это здание, в котором она находится, никакого переезда на окраину не будет, ясно?

Мне стало тошно.

Какой кошмар, я выдвигаю требования ради того, чтобы он смог меня целовать. Да это же почти проституция! Я продаю свою близость за школу?

Женя, ты ненормальная?

Ты ведь не купишь себе этим нормальную спокойную жизнь, как раз наоборот все случится! Это как поддаться шантажистам. Все всегда учат, что этого делать ни в коем случае нельзя. Но что делать, как выкрутиться уже?

Медведев с меня глаз не сводил:

– М-м, а еще что? Или ты так решила, скромненько?

– Нет, что вы! – я начала загибать пальцы на руке. – Я буду очень нескромная! Первое – школа. Второе: вы уйдете, и больше я никогда вас в своем доме не увижу. Вообще никогда, понимаете? Даже машины вашей в моем дворе никогда не будет.

Спрятать волнение было крайне сложно.

Это же Медведев! Он сейчас может сказать, что его мои условия не устраивают и все. И что я буду делать? Он меня

больше в два раза и сильнее в десять. До насилия вряд ли дойдет, конечно, он вроде бы не настолько безумен.

Но и не совсем адекватен, насколько мне кажется.

– Все? – он продолжал насмехаться. – Какая ты скромная нескромница у меня, оказывается.

– И-и, – я заметалась взглядом по собственной квартире. – И дверь мне поменяйте!

– Ох ты ж!

Он оттолкнулся от стены, встал напротив. Темная рубашка на груди чуть съехала на сторону от этого движения. Обнажила жесткие курчавые волосы на широкой груди, показала их мне во всей мужской красе.

Боже, опять слюна...

Да что ж такое. Мы уже в возрасте, чего я так на него реагирую? Нет, целуется он здорово, но хватит уже, Женя! Ты приличная женщина, в конце концов!

Этот ваш договор просто игра.

– Ну, я даже не знаю, – Медведев моих мыслей, слава Богу, прочесть был не способен. Он смотрел задумчиво на дверь, даже кончик брови почесал. – С дверью тут не просто на поцелуйчики тянет. Тут тебе придется на полный доступ к телу раскошелиться, ты ж сама понимаешь...

– Что? – я взвизгнула. – Вы в своем уме?

Нахальный гад самодовольно заржал.

Запрокинул голову даже, раскрыл грудную клетку мощным вдохом и шелковая сорочка вернулась на место. Спря-

тала от меня его волосы, прикрыла собой. Вот зараза, а красиво ведь было так...

– Уходите! – я схватила его за предплечье и стала толкать к этой самой двери. – Уходите, хватит! Я больше не могу выносить этот цирк! Это невозможно!

– Да куда ж я пойду-то, бешеная, – он продолжал смеяться. – Я ж босой!

Хорошо, что не голый!

– Обувайтесь и уходите!

– Нет, Женя, – он покачал головой и с легкостью отцепил мои руки от себя, погладил ладошки. – Я никуда не пойду, пока ты не соберешься.

– Куда это? – я опешила. – Да отпустите вы меня!

– Ты поедешь со мной. Понедельник, рабочий день. По-едем в школу.

– Вы что, – у меня резко пересохло в горле. – Так вы что, согласны на мои условия?

Мне все-таки придется с ним целоваться?!

Постоянно, когда он захочет? А если он захочет на людях? Нет, на такое я точно не согласна, это невозможно будет однозначно.

– Нет, конечно, – Медведев пожал плечами. – Я бы еще с женщинами договоры на поцелуи не заключал. Если мне нужна будет продажная любовь, для этого есть эскортницы. А ты не такая.

– А какая?

Мне вдруг остро захотелось узнать, что он вообще обо мне думает.

Ну, он ведь не зря ко мне ездит, правильно? И эта его вспышка ревности сегодня, его забота о моей ноге. Он ведь первым делом спросил, как я себя чувствую, когда приехал.

Просто так мужчина же не делает ничего такого, верно?

– А ты поцелуй, я расскажу, – моментально среагировал Медведев.

– Хах! – я громко фыркнула. – Не дождетесь!

– Дождусь. А ты давай, собирайся, я не шучу. Поедем в школу.

– Зачем?!

– Потому что я теперь в ней директор. А ты – как была замом директора, так и осталась.

Я смотрела на него как на привидение.

Он же шутит? Нет, он не шутит! Медведев был абсолютно серьезен сейчас, вся его веселость куда-то испарилась. А вот я замотала головой. Нет. Да нет! Не может такого быть, это же... Я не хочу с ним быть постоянно вместе еще и на работе!

Я метнулась мимо него к телефону.

Я сейчас позвоню в комитет и уточню все. Этого быть не может!

– Жень, не прыгай ты так, нога заболит, – Михаил Михайлович выступил в дверной проем, следя за мной. Моя реакция ему явно не нравилась.

Так она и мне не нравилась!

Что это за бред, как может олигарх стать директором художественной школы? Он же ничего в нашем деле не понимает! Как мы с ним будем учить детей, чему?!

Нужный номер быстро нашелся:

– Катенька, – я положила руку на грудь, пытаюсь хотя бы дыхание выровнять. На наглеца с шоколадным взглядом я смотреть не могла сейчас. – Здравствуй, это Легкова. Катенька, скажи мне, пожалуйста, у нас что, директор сменился?

– Здравствуйте, Евгения Викторовна, – специалист комитета, с которой я решала большинство школьных проблем, ответила приветливо. – Да, у вас теперь новый директор. А вы с ним еще не познакомились?

– Я на больничном, Катя. С ногой, на работу не ходила еще, – врать при Медведеве было уже почти не стыдно.

– Ой, какая жалость! Выздоровливайте, Евгения Викторовна. А директор ваш... Сейчас найду, – она зашуршала бумагой. – Вот, Медведев Михаил Михайлович какой-то. Я сама его тоже еще не видела.

– Спасибо, Катя. До свидания.

– Выздоровливайте, – пожелала мне еще раз приветливая сотрудница.

– Спасибо.

Значит, он не соврал.

Я сжала телефон, прикусывая кончик языка, чтобы не наговорить ему... Всего! И вздрогнула тут же, потому что сотовый в руке зазвонил снова:

– Да?

– Евгения Викторовна, я забыла вам сказать! – на проводе снова оказалась Катерина. – В Москве начинается фестиваль наш, вы же знаете?

– Да, да, – переключаться с темы на тему сейчас было сложно.

– Так вот, организаторы устраивают бал, приглашают художников, руководителей школ. В общем, на вас и директора пришло приглашение. В пятницу вам надо будет поехать, директору новому я сама позвоню еще.

Я чуть было не ляпнула, что я могу сама ему передать. Вот же он стоит! Но рот вовремя закрыла. Я же только что о нем спрашивала у нее, как я буду выглядеть?

Но какой бал?

С Медведевым? Ни за что!

– Катенька, а отказаться можно?

– Можно, но не нужно. Участие добровольно-принудительное, сами понимаете, – она где-то там улыбнулась. – Там приглашений на выставки должно быть куча, вы же хотели своих учеников продвигать, помните?

Я помнила.

Закончив разговор повторно, я обернулась к Михаилу Михайловичу. Я поеду туда с ним, раз надо. Это действительно будет полезно для моих ребят, я соберу для них полезные контакты. А вот он – пусть позорится!

Он же ничего не понимает в художественном ремесле!

Дир-ректор!

– Заноза моя, – он моментально считал, что мое настроение изменилось. – Чот ты мне не нравишься. Ты что задумала, а?

Глава 14. Михаил Михайлович

– Пишите: Рублев, Айвазовский...

Заноза Викторовна привычно нацепила на себя роль училки, даже по гостинной зашагала из угла в угол.

В халатике!

В простеньком, обычном. Не шелковом никак, без кружев. Он меня успокаивал тем, что она явно не для любовника одевалась, не ждала никого. Схлынуло мое безумие ревнивое, но началось другое.

Под ним ведь не было ничего!

Я же общупал ее всю, пока ее целовал. И вот это меня волновало гораздо больше, чем ее заявление, что мы там куда-то должны поехать и представить нашу, общую уже школу.

Она меня из-за образовывать взялась!

Чтобы я хоть в интернете про этих чуваков, которых она перечисляла, почитал что-то. Нахрена?

Правильно, чтоб самой не опозориться, по ходу, рядом со мной. Наивная моя. Это учителя вот, педагоги, на подобных вечерах об искусстве разговаривают. Директора договариваются о бабках, а это я умею лучше всех тут в округе. Тут я сам кого хочешь научу.

– Дальше? – у меня свело скулы – так зевнуть хотелось.

Не любил я, когда меня пытались чему-то учить, что нормальные деньги не приносит.

Это потеря времени.

– Рембрандт, – она кивнула. – Записали? Теперь проверьте по буквам: Рем-бран-д-т.

– Заноза, ты реально думаешь, что я тупой?

Я незаметно дописал в имя несомненно знаменитого художника пропущенную букву «д» и покосился на нее.

Хренью какой-то занимаемся.

Нет, если ей так приятнее, пожалуйста. От меня не убудет женщину порадовать, пусть думает, что пойдет на художественную вечеринку с высокообразованным хахалем. Я задумался на мгновение.

Раньше все мои любовницы гордились не моими мозгами, а моим кошельком. Учитывая, что сейчас любой малолетний придурок в интернете может поднять неплохие суммы, демонстрируя свою шизу, так даже еще и приятнее как-то.

– Нет, я так не думаю, – она остановилась. – Извините, это привычка. Дети всегда поначалу ошибаются, когда записывают имя этого голландца.

– Понял. Дальше?

– Дальше... Давайте Буонаротти, к примеру.

– Куда, в ротти? – я не удержался и хмыкнул.

А она глаза закатила.

Ну, точно! Классическая прям училка. И чего у меня на нее стоит-то так бешено? Хоть в узел уже завязывай. И ржать тянет ужасно опять же. Мы трахаться с ней как будем?

Подхихикивая? Со слезами на глазах?

– Микеланджело, Михаил Михайлович, это Микеланджело Буонаротти! Вы хотя бы о нем-то слышали?

– Это который вместо красивых дам мужиков лепил с му-
дьями?

– Вы невыносимы!

– А ты выносима, – я бросил ручку на тетрадный листок в клеточку, которым она меня снабдила перед «уроком». – И если ты щас собираться не начнешь, я тебя так в халате и вынесу из квартиры, поняла меня?

– Куда это? – Заноза сразу насторожилась снова.

– Как куда? – я встал. – Ты из меня решила сделать умного под себя. Я из тебя буду делать красивую. Поедем в Москву, по магазинам шляться, то-се.

– Это вы так намекаете, что я страшная?

– Это я так прямо говорю, что встречают по одежке. Если на этой вечеринке будут чуваки, пристраивающие свои кошельки, то поверь мне, они скорее отдадут их женщине, которая знает про Рембрандта, но при этом выглядит обворожительно и статусно. Это, знаешь ли, закон бизнеса, а я в нем шарю.

Она растерялась чуть-чуть.

Не ожидала таких слов. Уже приготовилась мне выговаривать, а выговаривать оказалось не за что. И наблюдать за ее уже надутыми губами, когда волна женского гнева запущена, но выйти ей некуда, было забавно.

– Одевайся, Заноза.

– Почему вы меня так зовете? – она искала хоть какой-то повод слить раздражение.

– Потому что ты заноза. Упрямая, своевольная и безбашенная, хоть и училка. Но я все равно тебя хочу.

– В каком смысле?

– Во всех, – я выдержал ее взгляд от и до. – Давай в темпе, а? Это реально надо сделать, пока еще время есть.

Она пожала губы, но послушно вышла из комнаты.

Дверь в ее спальню закрылась, но через секунду снова открылась.

– Михаил Михайлович! – Женя взбешено пыхтела.

– Что опять?

– Отдайте мои трусы!

Ну, е-мое...

– Отдам, – я достал из кармана красные кружева, которые успел припрятать, пока она визжала. – Но с условием, что ты их наденешь сейчас.

– Зачем?!

– Потому что я так хочу, – я поднял на нее бровь, отсекая дальнейшие вопросы. Что, вообще, значит, зачем?

– А если не надену? – она подбоченилась.

– Не отдам.

– Вы извращенец?

– У тебя будет шанс это проверить на практике. Наденешь?

– Нет!!!

Я молча пожал плечами и спрятал почти невесомый комочек красных кружев обратно в карман.

Нет, так нет, какие проблемы.

Заноза опять умчалась в спальню и хлопнула дверью уже громче. А я достал телефон:

«К двадцати часам сделай в доме все по красоте. Все, как обычно, полный фарш, я приеду не один»

Сообщение улетело помощнику, а я запихал телефон снова в карман. Подошел к окну, отодвинул занавеску и посмотрел вниз, во двор. Собирайся, собирайся, Заноза Викторовна. В общем-то, трусы тебе сегодня и не понадобятся.

Глава 15. Заноза Викторовна

– Давай, – Медведев уселся на шикарный кожаный диван и махнул мне лапой, как барин. – Примеряй, я смотреть буду.

– Не буду, – я встала в позу, сложила руки под грудью и вздернула нос. – Я же сказала.

Ощущение было такое, будто я действительно его содержанка. Добрый и щедрый папик вывез свою деточку за покупками.

Вот только я на такую похожа не была. Мне годиков раз в два поболее, это как минимум. И это уже третий магазин, в который он меня притащил! Я в такие не хожу, неужели он не понимает?

– Заноза, – в его голосе появились рычащие нотки. – Не начинай опять, а?

– Девушка, а сколько вот это платье, например, стоит? – обратилась я к продавщице, которая стояла рядом и профессионально делала вид, что нашего разговора не слышит.

– Это стоит сорок восемь тысяч.

– Слышали? – я повернулась к Медведеву.

– Слышал. Копейки! Давайте нам что-нибудь подороже, что это?

Девушка моментально испарилась, а я уже просто вздохнула.

Ну, и как с ним бороться? Сорок восемь тысяч рублей это

две трети моей зарплаты. Я столько потратить на тряпки не могу, даже ради московского художественного вечера.

Даже ради своих учеников.

– Михаил Михайлович...

– Платить буду я, Женя, – отрезал он. – Не надо переживать.

– Да нет же!

– Ладно, считай, что это премия, – ему все было нипочем.
– Я тебе уже объяснил, зачем это надо, так что давай без капризов.

– Это не капризы! – возмутилась я. – И моя школа не бизнес-проект, как вы не поймете? Нельзя так!

– Это наша школа, – надавил он голосом. – И я сделаю так, что она станет лучшей в области, это понятно? Меня слушай, все нормально будет.

Я вздохнула.

Как же он раздражает этим, а? И ведь не поспоришь, в бизнесе Медведев явно хорош. У него талант делать из всего конфетку, а я слишком хорошо понимала, что привлечение дополнительных средств от спонсоров нам точно не мешает.

Он тоже может дать денег, но помощь именно от галерей, от меценатов, которые помогают художникам – в сто раз лучше. Результативнее, у них есть нужные моим ребятам связи.

– В примерочную шагай, вон, тебе принесли уже шмотки,

– но командные нотки в его голосе все равно раздражали.

– Пройдемте? – продавщица, нагруженная уже несколькими платьями, мило улыбнулась.

Я кивнула обреченно.

Идемте, что делать-то.

После сорока минут времени, за которые я успела вспотеть, разлохматиться и мысленно вспомнить всю нецензурщину, которую выучила от детей, идеальное платье было найдено. И мы даже с Медведевым не подрались за это время. Он требовал от меня наряд с голой спиной, убеждая, что моя фигура шикарна, а я отчаянно сопротивлялась.

Я же педагог! Мне нельзя.

Хотя комплименты грели душу почище русской печки. Приятно, что и говорить.

– Боже, можно я просто посижу-у? – вполголоса провыла я, забираясь снова на сиденье машины.

– Устала, милая? – Медведев грузил пакеты с платьем и туфлями на заднее сиденье, но все равно мой стон услышал.

– Михаил Михайлович, обращайтесь ко мне как положено, пожалуйста, – я поджала пальцы в обуви, а потом снова их распрямила.

О-о-о, хорошо-о-о...

Надо было на плоском ходу босоножки одевать, выпендрилась, тоже мне. Привычки ходить на каблуке у меня ведь нет, я все время бегом-бегом.

– А как еще положено обращаться к женщине, которая

нравится? – он захлопнул заднюю дверь и встал возле моей. Заслонил солнечный свет своей крупной фигурой. – А вот ты со своим Михаилом Михайловичем уже завязывай. Я себя каким-то стариком чувствую.

– А вы что, молодиться собрались вечно? – мне стало смешно немного.

При всей его наглости и беспардонности, Медведев был приятным довольно человеком. Остроумным, красивым. Внешность у него была такая... Внушительная и благородная, но в то же время он был простым, не заносчивым. Про таких говорят, что деньги его не испортили. Он умел их зарабатывать, умел ими распоряжаться, но оставался адекватным.

Если бы мы познакомились при более мирных обстоятельствах, мне было бы приятно с ним общаться явно. Он умен, я таких люблю. У него нет показушности, зато хорошей страстности и порывистости через край.

– Ну, в стариканы себя записывать раньше времени точно не планирую, – он бархатно хмыкнул, а потом нахмурился и полез в карман. – Погоди-ка... Да, сын?

Тут уже хмыкнула я.

Старикан – не старикан, но уж дедом его точно сыновья скоро сделают. Мне стало немного грустно. У меня детей не было. Не случилось. С мужем не смогли по молодости, потом развод. А рожать одной... Стыдно было.

Я нахмурилась тоже.

Наверное, зря. Я всю жизнь только и думала, что об общественном мнении. Даже с бывшим мужем ссорилась из-за того, что не могу пойти в ресторан, потому что нельзя учителю пить вино. Там же люди, родители моих учеников. Стыд. Злость на саму себя сдавила горло. Зато теперь мне стыдиться нечего! У меня ничего нет: ни семьи, ни детей. Тоска только, да одиночество. Ну и кто из нас умнее, я или Михаил Михайлович?

Очевидно, кажется.

– Короче, попадос! – он неожиданно рванул водительскую дверь и рухнул за руль. Телефон отлетел на панель с громким стуком.

– Что случилось? – я испуганно захлопнула свою дверь.

– Внук же у меня! – Медведев завел двигатель и дернул рычаг коробки передач. Джип взревел и дернулся с места.

– Я вас поздравляю! – я вцепилась в поручень на двери. – Но ничего не понимаю.

– Выписка сегодня у них! Из роддома. А я забыл совсем. Если бы сын не позвонил сейчас, я бы похерил первую встречу с первым внуком.

Выписка?

Это значит, Ева, старшая сестра моей ученицы и второй невестки Михаила Михайловича, родила и выписывается? Ой, мамочки, какая прелесть! Я же еще их родителей помню! Жалко, что они своих внуков не увидят, очень жаль. Алиса ведь тоже беременна.

– Так, – я оглянулась назад, на пакеты со своими вещами.
– Вы меня тогда высадите где-нибудь у метро, я сама доберусь.

– Куда ты доберешься? – не понял меня Медведев.

– Как куда? Домой. Вам же в роддом надо, а я домой на электричке.

У него даже челюсть нижняя вперед выдвинулась.

Крупная мужская фигура напряглась, мне показалось, вся целиком.

– Ты никуда одна не поедешь, Женя! Мы едем в роддом вместе.

– Вы с ума сошли? – я опешила. – Ева меня знает! Это неприлично, в качестве кого я туда приеду?

Джип резко ускорился по пустой дорожной полосе.

– В качестве моей любимой женщины, пойдет? Пора же уже объявить детишкам, что папка жениться собрался, как думаешь?

Глава 16. Заноза Викторовна

Да, нет.

На сумасшедшего он явно не похож. Я разглядывала Медведева в профиль и поражалась в очередной раз тому, насколько этот человек любит и умеет манипулировать людьми.

Играть с ними.

Завлекать одним словом, одним взглядом. Заставлять себе поверить, а потом окунать с головой в свое безумие снова и снова. Будь мне лет на десять поменьше, я бы, может и поддалась. Я свободна, независима, почему бы не устроить себе такие эмоциональные качельки для развлечения?

Главное, чтобы без последствий.

– Нет, – категорично сказала я вслух.

– Чего, Женек? – он не расслышал, держал одновременно руль и телефон, смотрел и на дорогу и на дисплей. – Что ты сказала?

– Я сказала, – я улыбнулась мягко самой себе. – Что мне уже за сорок и в ваши игры я играть не буду, Михаил Михайлович. Вы можете объявлять своим сыновьям что угодно, но я поеду домой, хорошо? Это все слишком далеко зашло.

– А-а, да-да-да...

Я расслабилась на автомобильном кресле.

Нет, конечно, не высадит он меня. Не отпустит. Он меня

даже не слышит сейчас. У крутого бизнесмена задача, ему некогда обращать на меня внимание. Я втянула внутреннюю часть губы между зубов и легонько ее прикусила. Это...

Обидно, да.

Но знакомо. Мужчины часто говорят одно, а делают совершенно другое. Я же разведенная давно, я просто забыла об этом, да и Медведев производил впечатление человека, который... Скажем: не такой, как все.

Но, увы. Ошибочное мнение.

– Да? – я глянула на него искоса. Густые брови на высоком мужском лбу сдвинулись, он держал телефон плечом, потому что руками что-то переключал на панели управления джипа. – Уже все? И что, поедете домой? Все, понял. А Яр? Понял, давай, скоро будем.

Он положил трубку и потянулся к моей руке:

– Милая, в роддом мы уже опоздали, поедем к медвежатам сразу домой, ага? Только шас заскочим куда-нибудь, надо же что-то купить, блин! Еве хоть цветов, а то, как мы...

Я ничего не говорила, просто смотрела на него, и с каждым словом мне самой хотелось задрать брови.

Медведев Михаил Михайлович растерялся?

Серьезно? Это же тот самый момент, когда для памяти стоит достать телефон и снять его на видео?

– Женя, а что надо купить, а? – он потыкал на дисплей автомобиля, перестраивая маршрут. – Ну, Евчику цветы, а внуку, то есть внучке что? Жень?

Я набрала в грудь воздуха. Я определенно об этом пожалую.

Возможно, уже минут через десять. Но огромный бородастый мужчина был настолько трогательным в этот момент, что я не удержалась. Он же действительно волнуется! Это его первая встреча с внучкой, он просто не знает, что делать!

И как он их мило называет – медвежатами.

Я вдруг ощутила прилив странной гордости за другого человека. Он их любит. По-отцовски, трепетно и бережно. Даже невесток своих, что редкость в нынешнее время. Вот ты и устроила себе качели все же, Женя. То ненавидишь его, то поражаешься, насколько он хорош. И опять же: главное, без последствий, без последствий! Не забывай!

– Вы действительно хотите моего совета?

Я точно пожалую, что остаюсь с ним. Однозначно. Но не могу я ему отказать в этой помощи!

Просто не могу!

Я хочу видеть, как здоровенный Медведь возьмет на руки крошку-малышку. Я хочу увидеть этот его трепет. Да что там, я и сама хочу посмотреть на ребенка, в моей жизни это была такая безумная редкость.

– Жень, я в последний раз малого брал, когда Яромир родился. А уж что им покупать, я вообще не знаю!

– Я тоже, – честно предупредила я его. – У меня детей нет.

– Твою мать, женщина, я тебя никуда никогда не отпущу уже, – он выкрутил руль и заехал на парковку большого дет-

ского магазина. - Мы же идеально с тобой совпадаем, по всем пунктам!

Я сыграла бровями.

Ну, тут бы я поспорила, конечно, но да уж ладно. Не до этого сейчас. У нас тут важное задание у обоих – купить подарок новорожденной девочке, у которой, я уверена, все необходимое уже есть. Сыновей Михаил Михайлович явно воспитывал по образу и подобию своему, а значит, и их жены, и дети будут обеспечены всем.

Если бы он только еще не смущал меня намеками своими...

– Бежим, времени мало, – мне открыли дверь и подали руку. – Щас быстренько продавцов замучаем и поедем.

В тот момент я засмеялась, а вот потом...

Медведев на самом деле довел продавцов в магазине до состояния кипения. Он придирался ко всему: в одежде – к цветам и составу тканей. В игрушках – к безопасности пластика и запаху. Когда он потребовал сертификаты на каких-то кукол, я аккуратненько отошла в сторонку и даже понюхала ту игрушку, которую он забраковал.

Да ничем она не пахнет!

Хорошая, качественная игрушка. Цена так вообще космическая!

Я положила ее на место и прошла дальше. Навалилась тоска снова. Какое тут все красивое... Сняв с вешалки маленький белый боди, я погладила ткань пальцами. И вышитый

красными нитками цветочек на груди – какая прелесть, Боже...

– Нравится? – я ойкнула.

За спиной оказался Михаил Михайлович.

Стоял, держал в подмышке коробку с куклой и смотрел на меня с улыбкой.

– Конечно, – я повесила крохотную вешалку обратно. – Тут все такое милое.

– Потом еще сюда приедем, – он подмигнул. – Сейчас погнали?

– Да, едемте.

Не нужно во все это окунаться слишком глубоко.

Не стоит жалеть о том, чего в моей жизни не случилось. Моя эта боль, со мной и останется, не люблю я показывать всем, что на душе творится.

Еще через полчаса у нас был уже и букет для Евы.

Огромный, роскошный, он половину заднего сиденья занимал. Аромат цветов кружил голову, и я постоянно оглядывалась назад, чтобы проверить, чтобы он не упал.

– Так, значит, сейчас заедем к ребятам, – рассказывал мне Медведев. – Побудем часок, и домой поедем, ладно?

– Разумно, – я согласилась. – Ева наверняка устала, да и беспокоить ребенка тоже не хочется.

– Ага, пусть охреневают вдвоем! – довольно хохотнул добрый новоиспеченный дедушка. – Бабушек-то у них нет, а единственный дед – так себе дед.

Я вовремя захлопнула рот.

Почему нет бабушек? У Лисицыных Евы и Алисы я знала, что родители погибли. Это произошло как раз тогда, когда Алиса у меня училась. Но где супруга Михаила Михайловича?

Я отвернулась и наморщила нос.

Спросить? Неудобно. Подумает, что я на него действительно какие-то виды имею, выпрашиваю про соперницу. Нет, не буду. Мне это неинтересно! Это неприлично и недостойно. Я же не какая-нибудь вертихвостка! Я уже женщина в возрасте. Я даже хмыкнула невольно.

Женька, Женька...

Такими темпами ты скоро и до «о вечном думать пора» докатишься.

– Кстати, – Михаил Михайлович развернулся ко мне, когда мы вошли в лифт новостройки, где жила Ева и его сын.
– По поводу «все слишком далеко зашло»...

– Что? – я не поняла о чем он.

– Ты в машине сказала, что играть в игры со мной не хочешь и все слишком далеко зашло, Жень.

Я открыла рот, чтобы ответить, но поняла, что отвечать мне нечего.

Так он что, он слышал все? И просто не ответил? Получается, проигнорировал? Черт, да это же еще обиднее!

– Я не шутил, – шоколад его глаз плавился от внутреннего огня. – Я только углубить хочу все, Женя. Так что считай, что

этот наш приезд сейчас к ребятам - твой вход в нашу семью.

Глава 17. Михаил Михайлович

– О, новоиспеченный дед приехал!

– Не ори, новоиспеченный папа, – я отодвинул сына, открывшего нам дверь в сторону, и шагнул в квартиру. – Поздоровайся, я не один.

– Здравствуйте. А-э-эм...

– Евгения Викторовна Легкова, – представилась ему моя Заноза и протянула руку.

– Очень приятно, Мирослав Медведев. Проходите, чего же вы?

Делать ей было нечего, войти просто пришлось. Хотя я ожидал, что она и деру может дать. В лифте так глазами хлопала, так на меня бесилась. Я даже за руку ее взял, пока до квартиры вел.

Бодрая она, из больницы уже один раз сбежала же.

– Ой, Евгения Викторовна! – к ней на шею бросилась Алиса. – Как хорошо, что вы приехали! А как вы...

– Со мной. Подержи-ка, – я сунул ей сходу куклу и позвал маму виновницы этого сборища. – Евчик, дорогая, где ты у меня?

– Дядя Миша! Здравствуйте!

Мой бывший лучший администратор вышла из гостиной плавно. Мягкой походкой уже совсем взрослой женщины. Улыбалась вовсю, радовалась мне, но я по взгляду видел, что

все. Той Евки, которую я когда-то брал на работу, учил, а потом отдал Мирославу, уже нет.

Она выросла резко с рождением ребенка. Повзрослела.

Поднялась на следующую ступеньку жизни. А вместе с ней и все мы новый статус получили.

– Поздравляю, дорогая, – я крепко обнял старшую невестку. Поцеловал в светлую макушку, как дочку. – Извини, что в роддом не успели, застряли немного с Женей. Цветочки тебе вот.

– Да ничего. Спасибо! – она даже улыбалась уже как-то иначе. Или это я просто стал ее иначе воспринимать? Не как девчонку. – Здравствуйте, Евгения Викторовна! Как я рада вас видеть!

– Здравствуй, Ева, – моя Заноза тоже ее обняла, погладила по спине. – Как я давно тебя не видела тоже! Поздравляю, моя девочка, и вас, Мирослав, тоже! Здоровья вам и малышке, пусть все будет хорошо всегда, растите крепенькими.

К ним снова подскочила Алиса, тоже красовавшаяся с пока еще небольшим животом. Женщины защебетали прямо на пороге почти о своем, а я улыбнулся. Так, ну, тут все понятно.

Пока эти дамочки не наговорятся, У меня есть время. Я повернул Мирослава к себе:

– Внучка где?

– Вначале мыть руки! – они с Евой ответили моментально и хором.

Вот это реакция! Я аж подохренел в первый момент от такой слаженной работы своих старших медвежат:

– Нормальный ход.

– Михаил Михайлович, ну, она же маленькая, – смягчилась Ева.

– А я что, не понимаю? – возмутился я. – Женя, за мной. Мыть лапы будем, а то к дитю не допустят.

– Не лапы, а руки, – она скинула свои босоножки и пошла за мной. – И правильно сделают, между прочим.

– Вы сговорились против меня, что ли, все?! Бунт?

– А чего вы ворчите-то? Как старикан, – фыркнула Заноза.

Я дверь в гостевой туалет открыл от неожиданности только наполовину. Она мне этим словом по маковке будто обухом дала:

– Что ты сказала?

– А что я сказала? – не ожидая, что я остановлюсь, она неловко наткнулась на меня.

– Это я-то старикан? – я набычился.

– Михаил Михайлович, заходите, – она почти зашипела, потому что сзади стояли мои сыновья с моими же невестками и смотрели на нас. – Нам надо вымыть руки, мы с улицы!

– Так, иди, – я распахнул перед ней дверь, пропуская вперед.

Зашел вслед за ней, закрыл за нами двумя дверку.

– Михаил Михайлович, – Женя включила воду, но мыть руки не торопилась. – Я вас предупреждаю...

– Да ладно? – я ухмыльнулся.

Хитрая какая. Запихала меня сюда силой, да еще и угрожает!

– Не подставляйте меня, – она посмотрела на меня почти с мольбой. – Пожалуйста. Вы разрушите мою репутацию, разве не понимаете? То, что я вами сюда приехала и так уже подозрительно.

Я смотрел на нее сверху вниз и не понимал.

Неужели все настолько хреново? Неужели я настолько уже действительно старик, что на меня даже почти ровесницы не западают? Это что, моя участь теперь – снятые за бабки шлюхи, которым все равно, кому отсасывать и давать? И никакого тепла?

Я теперь реально должен смотреть на своих сыновей и втихаря им завидовать, потому что у них это тепло, эта любовь женская есть? Пока я делал все это, пока я их растил, учил, воспитывал и делал из них мужиков, я сам свое время оставил в койках случайных любовниц?

Карма настигла теперь, блядь, что ли?!

– Женя, – я аж зубами чутка скрипнул. – Вот скажи мне, я хреново выгляжу, да?

– Вы? – она даже опешила. – Нет. С чего вы взяли? Михаил Михайлович, я же не об этом, вы что?

– Ничего, руки мой. Я тебя слышал.

Она смотрела на меня с сомнением.

Недоверчиво. И это было неприятно тоже. У нее даже воз-

возможность связи со мной вызывала какую-то непонятную мне истерику. А я, хоть убейте, не понимал ее причины. Ну, бля... Я не старый. Хорош собой, состоятелен, ее готов на ручках носить. Что еще надо-то?

– Вы, – Женя быстро сполоснула ручки и оторвала бумажные салфетки из диспенсера. Отошла в сторонку, уступила мне место. – Точно?

– Что точно? – я свои лапы намыливал ожесточенно. – Ничего не скажу?

– Да.

– Я сказал, что тебя услышал, Женя, – капли воды полетели с моих пальцев. – Мне всегда казалось, что моим словам можно доверять, почему-то.

Она молча протянула мне пару листов мягкой бумаги, а свой уже влажный комок выбросила в ведро.

– Спасибо. И я... Поздравляю вас, Михаил Михайлович.

– С чем?

– С кем. С внучкой. Вы счастливый человек, у вас есть не только дети, но уже и внуки. Это здорово.

Она проскользнула мимо меня и вышла из туалета первой.

Ну и что это, мать вашу было? Это она меня так поддержать решила, что ли? Чтоб я совсем не раскис от того, что у меня уже внуки рождаются? Зашибись, что. Мой комок бумаги улетел в ведро как баскетбольная подача.

Охренеть как они все меня долбят моим возрастом.

– Какая прелесть! – Женя уже была в гостинной, и туда же

Ева принесла из детской мою внучку. – А как назвали?

– Мария Мирославовна у нас, – в тоне старшего сына звучали горделивые нотки.

– Машенька, да, – Евка мужу улыбнулась.

И я от этого их счастья даже на пороге застыл.

Поймал чуть завистливый пока взгляд младшей невестки, почти кожей ощутил, как среагировал младший сын, сразу же ее обнявший. Черт... А хорошие они у меня все. Близкие. Не зря я все, не зря. Хорошие ребята получились, тут я точно не ошибся и не подкачал.

– Маша, значит, – комок в глотке я проглотил, пока никто из них этого не заметил. Расстегнул манжеты и закатал рукава повыше. – А, ну-ка, дайте ее мне...

– Дед, а ты хоть помнишь, как ребенка держать? – охран- ный рефлекс у Мира работал как надо. Он за своих девчонок стоял как скала даже против меня.

– Ты можешь продолжать звать меня батей, если что, – я отодвинул его в сторону. – Та-ак...

Вот, бляха...

Не соврал сыночка.

Маленькая Марийка Медведева была крохотулечной. Малюсенькое сморщенное личико только из пеленок и выглядывало. И не весила она вообще нисколько!

Как ее брать-то?

– Головушку держите, – Женя тоже дернулась ко мне.

Подняла руку, но остановила сама себя. Рядом стояла Ева,

Женя просто не захотела быть лишней.

– Ага, вот так, – невестка своими руками уложила внучку мне на сгиб локтя. – Дядя Миша, а на кого похожа больше, как вам кажется?

Чего?

Я ее не слышал даже толком. Я не дышал!

Смотрел на маленькое спящее сокровище и отчаянно хотел проморгаться. Моя внучка. Второе поколение моих детей. Моя кровь, мое наследие. Беззащитный комочек, ребенок, из-за которого я завтра же закажу крутейшую детскую площадку и поставлю ее у себя на участке. Ребенку нужно физическое развитие и свежий воздух!

– Дед, – позвал меня сын. – Ты что?

– Нахер иди пока что. Ой, бляха. Да, блин! – я ловил и воздух ртом, и собственные маты.

Но ничего другого сказать не мог. Не хватало сил ни на что больше.

Яромир заржал совершенно невоспитанно. Потянул к дивану свою Алису и усадил на колени.

– Наш дед, по ходу, расклеился.

– Ну, Яр! – Алиса шлепнула его ладошкой по груди, а потом подтерла под глазами. – Это же такая милота!

– Дядь Миш, нормально все? – Ева как вкопанная стояла рядом. – Забрать?

– Не-е, – я даже отвернулся от нее.

Как замороженный смотрел на Марийку, глаз отвести не

мог.

– Жень, погляди, какая она красивая, да? – я вот только к ней мог обратиться без страха, что она начнет ржать. Мои-то придурки же, они не понимают.

– Очень, – Заноза тоже любовалась. – И мне кажется, она на Еву похожа все же сильнее.

– Конечно, – я стал чуть покачиваться рефлекторно. – Если бы она была похожа на Мира, я бы расстроился.

– Чой эта? – возмутился он.

– Ты себя в зеркале видел, чудовище? – у меня в кармане зазвенел телефон. – Да твою ж... Не, не, не, Ев, пусть звонит.

Я внучку не отдал.

Похер мне, кто там звонит, у меня же тут такое. Я весело поглядел на Женю. Ее лицо мягко светилось от радости. Она стояла рядом с моим плечом, почти прижалась даже.

Черт, а ей бы пошло быть мамой, мне кажется...

– Евгения Викторовна, а вы из Можайска вместе с отцом приехали?

Я бросил на Яра быстрый взгляд.

Внимательный сыночка. Не мэр, а цербер. Нахрена вот лезет, а? Ну, приехали и приехали, что такого?

– Да, Яромир, – Женя отошла тоже к дивану. Лишила меня своего тепла, заговорила быстро, словно оправдаться пыталась. – Мы по делам школы приехали. Михаил Михайлович же теперь директор нашей школы.

– Да вы что? – ахнула Алиса.

– Да. И у нас скоро рекомендательный вечер будет в Москве. Помнишь, ты с такого во время учебы заказы получала? Вот, мы и приехали подготовиться.

– И все? – Яр никак не успокаивался.

– Ну, разумеется. А что еще может быть? – Заноза наивно хлопала ресницами.

– Художественная школа? – Мирослав рядом удивленно поднял бровь, но спросил тихо, не для всех. – Нахрена?

– Так надо, – я тоже ответил не для всех. – Там есть бабки, жопой чую.

Мирослав внимательно посмотрел на мою Занозу, переглянулся с братом.

– Бабки в денежных знаках или...

Я ухмыльнулся.

Умненькие они у меня оба. Прямо палец в рот не клади уже. Телефон в кармане зазвенел повторно.

– Достань, – я повернулся к сыну боком, потому что внучку отдавать ну никак не хотелось. Ее маленький нос так сладко сопел! – Глянь, кому там не терпится.

Сын засунул пальцы мне в карман, подцепил аппарат и вытянул его.

Только не его один. Между пальцами Мирослава и телефоном оказались зажаты женские трусики. Те самые, что я у Занозы с сушилки забрал.

Красные.

– Ба-ать? – Мирослав уже не одну бровь задрал, он весь

полностью выглядел охреневшим. – Это что?

– Ой, – Ева прикрыла рот ладошкой и стала пунцовой как кружева.

– А ты не видишь, что это?

– Наш дед не такой уж и дед, кажется, – Яр вроде и шутил, но шутки в его тоне было крайне мало. – Пап, ничего не хочешь рассказать?

– Например?

Я стоял посреди гостиной, а на меня смотрела вся моя семья.

И полуобморочная Женя.

– У тебя появилась женщина? – Мир до сих пор держал уже заткнувшийся телефон и белье.

Женщина. Эта женщина сейчас зарыдает, кажется. А я ведь ей обещал ничего про нее не говорить. Но и детям врать я тоже не вижу смысла, все равно скоро все вылезет наружу.

– Не просто женщина, сын. Это у вас скоро появится мачеха. Такой ответ вас устраивает?

– КТО?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.